

СУДЬБА КНЯГИНИ

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Ожившие предания

Александр Проzorов

Судьба княгини

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Судьба княгини / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2019 — (Ожившие предания)

ISBN 978-5-04-101615-9

Великий князь Руси Василий Дмитриевич, чувствуя приближение кончины, обращается к брату Юрию Звенигородскому с просьбой стать следующим правителем, дабы защитить державу. Ведь сын Василия рожден от литовской княжны Софьи, которая так и осталась для всех чужеземкой. Более того, окружена темными слухами о колдовстве. А потому ее придется изгнать. Однако Василий и представить не может, что Софья давно изменяет ему с князем звенигородским. А брату его предстоит сделать выбор, от которого зависит судьба всего государства...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101615-9

© Прозоров А. Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Тайная любовь	12
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Прозоров

Судьба княгини

© Прозоров А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

3 сентября 1424 года

Рязанское княжество, Одоевский уезд, жнивье перед деревней Грибово

Осенний день выдался просто на загляденье. Ясный, солнечный – но вместе с тем ветреный и прохладный. В такую погоду самое милое дело – надеть поверх исподней и полотняной рубах толстый, в два пальца, а потому очень теплый стеганный или войлочный поддоспешник, шерстяную тафью на макушку, да заправить подбитые мехом штаны в сапоги из толстой кожи. Сверху пуд железа али два – это уж кому как больше нравится. На голову, поверх шапочки, насадить островерхий шлем.

Летом в таком снаряжении даже просто на месте сидеть – и то мука. Упаришься так, что уже и сам смерти желать начнешь. Зимой же – холодно, да броня индевеет и кожу обжигает. Приходится плащи и шубы набрасывать – но тяжелы они, утомляют и движения сковывают. Да и не греется железо-то от меха. Все равно «кусается».

То ли дело нежная прохладная осень! Не жарко, не тяжело, никаких дождей и туманов, пропитывающих одежду противной холодной влагой; ветерок поддувает, освежает тело и уносит запахи. Самая лучшая погода для хорошей драки!

Московская дружина перетаптывалась поперек недавно скошенного длинного поля, одним краем упираясь в редкий сосновый бор, а другим – в узкий ручеек, сразу за которым начинался густой, влажный и непролазный осинник.

Хотя – какая там московская? Из шестнадцати сотен воинов восемь – галичская дружина, пять – суздальская и три – боровская. Великий князь Московский, узнав про ордынский набег, объявил сбор ополчения на Берегу¹, возле Коломны – но главные силы еще не собрались, и потому в «московской рати» на сегодня не имелось ни единого московского боярина. Однако первый русский воевода не стал дожидаться головного полка – помчался вперед с теми полутора тысячами воинов, каковые подошли самыми первыми. И – догнал!

Татары растянулись на удалении всего в сотню саженей. Числом примерно втрое больше – но почти без брони, в шапках вместо шлемов, на низких степных лошадках и с легкими пиками вместо тяжелых рогатин.

Обычно степняки не вступают в сражения. Ведь они ходят в чужие земли грабить, а не умирать. Однако на сей раз воевода Юрий Дмитриевич, брат великого князя Василия, подловил их на возвращении в Дикое поле – с огромным обозом награбленного за месяц барахла, что заполонило всю дорогу за спинами легконогой конницы. Не могли же ордынцы бросить все добро, добытое с таким трудом, и просто разбежаться, возвращаясь в родные кочевья редкими перелесками и узкими тропками! И потому сейчас разбойники хмуро стояли от соснового бора до осинника и разглядывали кованую рать, загородившую им путь к свободе.

– Почему они не стреляют, папа? – разорвал тяжелую тишину звонкий мальчишеский голос, заставив бояр резко перевести дух и зашевелиться.

– Кто это был? – привстав на стременах, закрутил головой одетый в золоченые доспехи воевода.

– Прости, Юрий Дмитриевич! – отозвался крупный боярин в панцирной кольчуге со вплетенными в нее воронеными дисками размером с ладонь. – Сие сын мой сын, Василий. Новик он, первый раз в походе. Юн еще, знаю. Но уж очень просился! Истинный воин растет.

Небольшая свита воеводы, плотно стоявшая в нескольких шагах перед рядами дружины, немного расступилась, позволяя всаднику из задних рядов проехать вперед.

¹ Берег – северный берег Оки, на котором на протяжении многих веков русское ополчение встречало татарские набеги. Эта постоянная порубежная служба так и называлась: Берег, служба на Берегу.

Поравнявшись с воеводой, ратник приложил руку к груди, чуть поклонился:

– Хорошего дня тебе, Юрий Дмитриевич! Мое имя Василий, я есмь сын князя Ярослава Боровского, внук князя Владимира Храброго²!

Панцирная кольчуга, щит каплейкой, рогатина с широким наконечником, островерхая ерихонка с посеребренной улыбающейся маской от шлема до подбородка. В полном боевом облачении новика было не отличить от всех прочих воинов, опытных и не очень. Своим сложением мальчик, несмотря на юность, мало уступал большинству бояр, а отсутствие бороды не было столь уж ясным признаком молодости, ибо многие воины оные ровняли и стригли – и потому из-под защитных масок на грудь они не выпадали.

– Сколько тебе лет, юный витязь? – поинтересовался воевода.

– Уже тринадцать, княже! – Новик отвернул личину в сторону, открывая совсем детское веселое лицо с узким подбородком, острым носом и глубокими синими глазами.

– Не рановато в сечу-то? – склонил голову набок звенигородский князь.

– Я внук Владимира Храброго! – звенящим голосом выкрикнул княжич. – Я должен стать великим воеводой! Я учусь сражаться!

– Похвальное желание, – кивнул воевода. – В твоих жилах течет гордая кровь, ты станешь достойным витязем.

– Благодарю, княже! – Новик снова спрятал лицо под железную маску.

– Что до луков, княжич, – перевел взгляд на врага Юрий Дмитриевич, – то татары уже месяц разбойничают. Вестимо, боевые припасы у них давно кончились. Нечем им стрелять, колчаны пустые.

– А мы почему не стреляем?

– Ждем удачного момента. – Воевода отвел руку назад и потрогал лежащий на крупе коня, обшитый бархатом саадак³.

– Когда он наступит?

– Ты задаешь слишком много вопросов, сынок, – вмешался князь Ярослав Боровский. – Не мешай воеводе!

– Коли не спрашивать, княже, ничему не научишься, – укорил его Юрий Дмитриевич и обратился к новику: – Нам надобно, Василий Ярославович, чтобы татары на нас напали. Иначе Большим нарядом не воспользоваться. А они, видишь, квелье стоят. Надо бы расшевелить... – И воевода повернулся к боровскому князю: – Сможешь, Ярослав Владимирович?

– Дозволь мне, княже, дозволь мне! – восторженно воскликнул новик. – Дозволь, я наши сотни на ордынцев поведу!

– Ну нет, Вася! – решительно отрезал князь Боровский. – Ты сюда учиться просился, а не в самую свалку влезать! Вот при воеводе и оставайся! Учись! Юрий Дмитриевич, сделай милость, присмотри за ребенком!

– Отец! – возмущенно выкрикнул мальчишка.

– Жди здесь, Василий, и слушайся князя Звенигородского! Тихоня, Басарга, Вторуша, берегите сына, остальные за мной! – Ярослав Владимирович повернул коня, поскакал к своим сотням.

Его небольшая свита разделилась. Трое богато снаряженных холопов в чешуйчатых куяках, издалека похожих на рыбу чешую, поскакали за хозяином, другие трое остались с княжичем.

² Владимир Андреевич, представитель «царственной» династии, внук знаменитого Ивана Калиты, получивший в народе прозвища Донской и Храбрый. Донской – за свою определяющую роль в Куликовской битве, а Храбрый – за поведение во всех прочих походах «по совокупности».

³ Саадак – комплект из лука и колчана со стрелами в закрытой коробке. Часто в комплект входили сулицы – метательные копья.

Вскоре правый край русского войска дрогнул, медленно двинулся вперед. Бояре на ходу цепляли рогатины петлями к седлу, сдвигали вперед колчаны, вынимали луки. Намерения их оказались столь ясны, что разбойничья армия, еще до первых стрел, зазвучала залихватским пересвистом и ринулась навстречу, с громким гиканьем разгоня скакунов и опуская пики.

Боровские воины, уже успевшие поменять ударное оружие на стрелковое, к сшибке оказались не готовы и стали спешно разворачиваться, уходя от удара и в полуобороте пуская стрелы себе за спину.

– Лу-уки!!! – громко закричал Юрий Дмитриевич, благо вся его рать находилась совсем рядом, и сам первым, перевернув рогатину и вонзив острием в землю, схватился за саадак.

Атака правого края на глазах превращалась в паническое бегство – уходя от удара, боровские дружинники, не переставая осыпать врага стрелами, миновали свое старое место в строю и понеслись дальше. Татары, теряя товарищей, с посвистом и гиканьем их преследовали, стремительно сокращая расстояние.

– Лу-уки!!! – Звенигородский князь стал быстро опустошать колчан, выпуская стрелы высоко вверх. Прицелиться так в кого-то из врагов было невозможно. Но промахнуться по плотной многотысячной рати – еще труднее. Больше тысячи луков, по пятьдесят стрел в колчане – и от стремительной оперенной смерти, разом взметнувшейся в воздух, на какой-то миг наступили сумерки... А потом вся эта отточенная сталь дождем просыпалась на мчащихся через поле степняков.

Почти половина наконечников из этого густого ливня нашла себе цель, вонзаясь в тела лошадей, в ноги, в руки сидящих на них всадников, острые жала пробивали меховые шапки и стеганные халаты, впиваясь в плечи, рассекая ткань на спине и груди. И пусть только одна стрела из тысячи приносила смерть – раненые лошади спотыкались, а иногда и падали, получивший стрелу в руку разбойник терял копьё и уже не мог схватиться за саблю, из посеченных ног текла кровь, и торчащая из бедра стрела бодрости воину тоже не добавляла.

Несущиеся во весь опор татары кувыркались вместе с лошадьми, выпадали из седел, спотыкались о своих товарищей, перепрыгивали через них, а где-то – и затапывали, проносясь прямо по телам неудачно упавших земляков. Но – не останавливались. Многосотенная лава стремительно втягивалась в прорыв на правом краю, обходя русские полки и устремляясь дальше, к обозу, к главной, самой желанной цели любого сражения.

Ведь армии не передвигаются без припасов, и каждый обоз – это очень богатая, обильная добыча.

Большинство степняков ушло в атаку по самому легкому пути – справа. Но не меньше трети поскакали прямо на главные силы, словно и вправду надеялись опрокинуть легкими пиками тяжелую кованую рать.

– Ну что, новик, повеселимся? – выдернул из земли рогатину Юрий Дмитриевич и удобнее перехватил в руке. До врага оставалось всего с десятков шагов, разгоняться навстречу не было ни места, ни времени. Только твердо встретить удар.

– Я пе-е-ервы-ый!!! – Мальчишка неожиданно для всех, даже для собственных своих холопов, дал шпоры коню и ринулся вперед.

В него, бедолагу, и пришелся самый первый жестокий напор: сразу три копыта ударили в щит, еще одно в бок, да еще в грудь...

Правда, своей рогатиной новик все-таки успел попасть в шею ближнего татарского скакуна – после чего буквально вылетел из седла и кувыркнулся назад через круп коня, высоко вскинув в воздух короткие красные сапоги. Следом летевшие по весь опор татары опрокинули и скакуна юного храбреца – врезавшись в него грудью сразу нескольких коней.

Холопы с отчаянным криком кинулись спасать своего господина – поймали на копыта одного степняка, другого, сбили третьего...

Но куда там отчаянной отваге трех воинов супротив тяжелой многосотенной лавы!

В следующий миг звенигородскому князю стало уже не до новика. Его золоченая броня привлекла внимание многих врагов, на воеводу нацелились сразу пятеро разбойников – больше мешая друг другу, нежели помогая. Юрий Дмитриевич поспешно опустил щит, прикрывая живот сразу от двух наконечников, рванул его в сторону с полуоборотом влево, свою рогатину просто приподнял, позволяя круглолицему татарину с торчащими из плеча и головы стрелами напороться на нее грудью, и тут же наклонился, пропуская еще одну пику над спиной. Степняков справа и слева приняли на копья галичский сотник Олай из Басмановки и его товарищи. Увлечшись попытками убить князя, разбойники совсем забыли, что у воеводы есть охрана, причем очень умелая.

Однако татарская лава, даже лишившись передовых воинов, продолжала скакать, по инерции напирая на русскую дружину, и остановить тяжелую массу не могли никакие копейные уколы и взмахи сабель. На могучего чалого туркестанца звенигородского князя навалились сразу три низкие степные лошадки, на которых тоже давили задние скакуны, – и чалый начал заваливаться назад и набок.

«Надо было вставать позади!» – запоздало посетовал воевода, падая вместе с конем, но изменить что-либо уже не мог.

Не особо испугавшись, бывалый воин в первую очередь высвободил ноги из стремян, поджал, торопливо закрыл щитом голову и плечи. И уже через миг по щиту застучали копыта, с силой вбивая его в тело.

Успешно смяв два ряда боярской конницы, татары потеряли почти всех передних воинов, и схватка затихла – между русскими и степняками оказались зажаты десятки лошадей с уже мертвыми всадниками либо с пустыми седлами. Живые враги друг до друга просто не доставали.

И в этот миг над полем прокатился протяжный оглушительный гром, от которого у людей заложило уши, а многие лошади встали на дыбы.

Поле за спинами русских воинов, между московской дружиной и ее обозом, заволокло дымом. Это вкопанные между соснами три десятка пушек Большого наряда с расстояния всего в три десятка шагов ударили единым залпом по увлеченным погоней татарским сотням, оказавшимся в одиночестве на открытом поле. Крупная речная галька, щедро забитая в стволы, буквально снесла ближние ряды конницы, выбила многих всадников, скачущих посередине, и повалила немало людей даже у самого ручья.

Боровская дружина, уже доскакавшая почти до самого обоза, после громового раската за спиной стала, словно бы по сигналу, натягивать поводья и разворачиваться, опуская рогатины. Примерно полусотня степняков, успевших проскочить смертельное поле до залпа, частью налетели на эти копья, частью успели отвернуть и ускакать между сосен либо увязли в топкой земле возле ручья.

– За Ру-у-усь!!! – вскинув рогатину, громко закричал князь Ярослав. – Не посрамим имени батюшки моего, Владимира Храброго!!! За Ру-у-усь!!!

Три сотни идущих стремя к стремени бояр, одетых в прочное сверкающее железо, на тяжелых, породистых и хорошо откормленных скакунах, с низко опущенными копьями стали разгоняться для таранного удара – и уцелевшие после залпа степняки, хорошо знающие, во что превращает любого вставшего на пути врага даже обычный скачущий табун, предпочли со всех ног метнуться в стороны, открывая дорогу кованой лавине.

Главные татарские силы, почти окружившие русскую дружину и теперь прижимающие ее к лесу, – почуяли неладное, слегка отступили, прислушиваясь и вглядываясь в дым. Напор ослаб, оставшиеся без всадников скакуны, пользуясь возможностью, стали разбегаться в стороны, а бояре – пробиваться между ними вперед, пытаясь сблизиться с врагом хотя бы на расстояние копейного укола.

И вот тут вдруг из густых белых клубов на поле брани стала вылетать на рысях ряд за рядом русская конница. Бояре в сверкающих мертвыми ухмылками железных масках склонялись к гривам коней, вытягивали вперед похожие на маленькие мечи наконечники рогатин и подгоняли, подгоняли оскалившихся и хрипящих, покрытых розовой пеной лошадей.

Несколько мгновений тяжелого мерного топота – и кованая рать врезалась в задние ряды окруживших главную дружину татар, протыкая беззащитные спины и опрокидывая легких лошадок, чтобы тут же пронзать, рубить и опрокидывать следующих врагов.

– Москва! Москва! – Окруженные бояре и сами дали шпоры скакунам, расталкивая перепуганных бесхозных лошадок, пробиваясь вперед и тоже рубя, коля, оглушая.

И разбойники не выдержали, попятились, стали разворачиваться и уноситься прочь, растворяясь между деревьями сухого и редколесного соснового бора.

Плевать на добычу! Мертвым меха не нужны. Коли жив останешься – завсегда новое барахло награть можно... Так что выноси, кобылка верная, спасай, вывози! Ныне главное – оторваться. А опосля к родному кочевью как-нибудь выберемся...

* * *

Когда щит наконец-то перестали топтать, Юрий Дмитриевич отпихнул его в сторону, вытянул ноги из-под какой-то горячей туши, столкнул обмякшее человеческое тело, липкое от парной крови, поднялся на ноги, задрал личину, вглядываясь в пыльную свалку впереди.

Там, судя по всему, изрядную часть татарской шайки дружина прижала к обозу и теперь успешно добивала. Разбойники и хотели бы сбежать – но по плотно забитой телегами дороге разве токмо поодиночке можно пробраться, да и то без спешки. Даже возничие, прыгая с облучков, предпочитали искать спасения в топком, но непролазном осиннике, а не по дороге драпать. Меж повозок, рыдванов и кибиток быстро не побегаешь.

– Кажется, победили, – сделал спокойный вывод опытный воевода. Затем наклонился, всмотрелся под ноги. Взял за сапог степняка в шапке с торчащей стрелой, оттащил в сторону, передвинул на пару шагов другого. Присел, ласково погладив по морде скакуна: – Ты как, Чалый? Живой?

Лошадь жалобно заржала.

– Потерпи, милый, потерпи. Нас сегодня не кололи, не рубили. Может, и обойдется...

Звенигородский князь выпрямился во весь рост, и сверкнувшая на солнце позолота наконечника привлекла внимание. Сразу с нескольких направлений к воеводе поскакали бояре, стали спешиваться:

– Ты жив, Юрий Дмитриевич?! Ты цел, княже? Не ранен?

– Помогите коня освободить, – снова наклонился воевода.

В несколько рук люди смогли сдвинуть одну мертвую тушу, приподнять другую – и княжеский скакун, опять громко заржав, неуклюже встал на ноги. Замер, дрожа и фырка.

– Молодец, Чалый, – ткнулся лицом ему в морду Юрий Дмитриевич. – Все хорошо, все в порядке. Ноги на месте, голова на месте, шея на месте. Ран на тебе нет, кровь чужая.

– Тут еще кто-то стонет! – Дружинники перевернули тело в панцирной кольчуге.

Боровский холоп, издав странный хриплый звук, уставился в небо мертвыми глазами. И судя по проломленно груди, подавать признаков жизни он никак не мог.

– Там где-то новик должен быть! – спохватился воевода. – Ищите, други, служивые за него дрались! Сын князя Ярослава! Проклятье, это ведь его первая стычка...

Съехавшиеся бояре стали осматриваться внимательнее, холопы – передвигать тела и заглядывать под конские туши.

– Здесь! – неожиданно закричал воин, стоявший на коленях возле мертвого пегого коня. – Здесь кто-то лежит! Его тут, бедолагу, наполовину в землю вдавило...

Пегую лошадь поспешно оттащили, переложили княжича на чистое место, сняли шлем, наскоро осмотрели.

– Кольчуга на боку порвана, но крови нет, – поднял голову нашедший мальчишку холоп. – В остальном вроде цел. Токмо оглушило, вестимо. Да потоптало изрядно.

– Новичкам везет, – ответил Юрий Дмитриевич, присел рядом с княжичем, легонько похлопал по щекам. – Ну же, мальчишка, дыши!

Новик вдруг закашлялся, протяжно застонал, открыл голубые глаза. Осторожно спросил:

– Где я?

– Покамест в мире земном, – тихонько щелкнул его по носу воевода. – Хотя отчаянно пытался его покинуть. Больше так не поступай. Дружина сражается в строю, как одно целое. И в сем ее главная сила! Одиночки в бою не выживают.

– Прости, княже... – сглотнул мальчишка.

– Зато ты показал себя достойным внуком Владимира Храброго, – сжалившись, похвалил его Юрий Дмитриевич. – Отваги тебе не занимать. Нужно будет запомнить твое имя, Василий, сын Ярослава. Такие воины нашей земле нужны. – И воевода подмигнул мальчишке: – Ну так как, княже? Понравился тебе первый урок ратного дела?

– Не знаю... – неуверенно ответил новик.

– Ничего, научим, – распрямился князь и протянул ему руку, помогая подняться. – Это только первый блин комом. Потом приноровишься.

Часть первая. Тайная любовь

26 октября 1424 года

Москва, Кремль

О возвращении дружины гонцы донесли заблаговременно, за несколько дней до появления ратных полков на Ногайском тракте. Посему холодная белокаменная столица великой Руси успела хорошо подготовиться к чествованию победителей. Горожане расчистили улицы, убрав с них впустую стоящие возки, охапки завезенной для хозяйственных нужд соломы и груды вываленных дров, наскоро подновили стены, тыны и ворота, покрасили их – или хотя бы украсили венками из еловых веток, последними осенними цветами, ярко вышитыми полотенцами либо просто красивыми цветными тканями.

Красны девицы приоделись в нарядные сарафаны, охабни и душегрейки, достали из сундуков набитные индийские и пуховые вологодские платки, подвесили сверкающие эмалью и золотом височные кольца, серьги с драгоценными самоцветами, застегнули на шеях жемчужные ожерелья и монисты из серебряных арабских дирхемов. Мужчины накинули на плечи подбитые дорогими мехами красные, коричневые и синие суконные плащи, опоясались ремнями с изящными накладками из серебра, кости и янтаря, с поясными сумками, проклепантыми золотыми бляшками. И все запаслись кто просом и ячменем, кто цветами.

Дорога опустела – стража разогнала в стороны, по стоянкам и проездам, смердов и купцов с их телегами, дровнями и розвальнями, отправила на пастбища овечьи отары, стада всякого крупного скота, каковой хозяева вели в богатый город на торг, а в привратники встали только боярские дети в начищенных добротных доспехах.

Над южными пригородами надолго повисла напряженная гнетущая тишина...

Незадолго до полудня в этой тишине стал различим низкий нутряной гул, идущий откуда-то из глубины земли. Этот гул нарастал и нарастал, став сравнимым с шумом раскрутившегося мельничного колеса – и вот наконец-то из-за поворота дороги, огибающей священную Ярилову рошу, вынеслась сверкающая броней кованая рать.

Дружина, судя по всему, тоже готовилась к встрече. Всадники мчались на рысях, по пять воинов в ряд, одетые словно бы для битвы: в пластинчатых бахтерцах и юшманах, в наведенных серебром и золотом, а иные и в вороненых шлемах с мягкими железными бармицами. Алые щиты-капельки с золотыми львами на лицевой стороне и медной, начищенной до золотого блеска окантовкой, на плечах – алые плащи с меховым подбоем, в руках – рогатины, направленные в небо острыми, длинными и широкими, полированными до зеркальной яркости накопечниками, под которыми развевались разноцветные матерчатые и веревочные бунчуки. Яркие потники под седлами, сбруя увешана серебряными бубенчиками – крупные боевые скакуны тяжело вбивали подковы в сухую плотную землю. И этот топот тысяч и тысяч копыт сливался в единый могучий гул, расходящийся на десятки верст окрест.

Стремительно промчавшись последние две версты, дружина влетела на мост, опущенный через широкий ров – и в тот же миг в городе на всех звонницах оглушительно запели колокола, заглушив набат привратной стражи. Витязи въехали на улицы, запруженные толпами горожан – и поневоле натянули поводья, переходя со стремительной скачки на медленный шаг.

– Слава! Слава!!! Любо победителям! Любо защитникам русской земли! Любо князю Юрию Дмитриевичу! Слава несокрушиму! Любо витязям! Слава великому воину!

Горожане осыпали вернувшихся из удачного похода дружинников просом и ячменем, женщины кидали цветы или просто лепестки, юные девы, выбирая воинов помоложе, подбегали и набрасывали на лошадиные шеи и седельные луки яркие венки и длинные цветочные косы.

Сверкающие броней ратники, крепко сжимая толстые ратовища рогатин и рукояти щитов, степенно улыбались с высоты – широкоплечие, могучие, с окладистыми и хорошо вычесанными бородами. Медленно переставляли копыта тяжелые скакуны, фыркали и мотали мордами – отчего начинали весело звенеть украшающие узду серебряные бубенчики...

– Любо князю Звенигородскому! Слава непобедимому защитнику нашему!!! – Приветственные крики, серебряный звон, бой колоколов, гул набата сливались в единый радостный гул всеобщего праздника, к которому вскорости присоединилось пение многих развеселившихся москвичей.

Под этот звон, эти крики и песни передовые десятки армии, рассыпая просо, лепестки и цветочные бутоны, выехали на площадь перед Большим великокняжеским дворцом, натянули поводья, стали спешиваться. Несколько дружинников взяли коней под уздцы, а пятеро из воинов – наряженные в самые драгоценные бахтерцы и юшманы с наведенными золотом надписями, сделанными на пластинах арабской вязью вперемешку со славянской буквицей, в вороненых с серебром островерхих шлемах, с алыми плащами, подбитыми соболем, на плечах – ступили на ступени крыльца.

На самом верху сего крыльца во главе небольшой свиты воевод встречал великий князь Василий Дмитриевич с супругой Софьей Витовтовной – тоже одетые в соболя и парчу, в шитые золотом платья, в усыпанных самоцветами шапках и драгоценных оплечьях.

Одеяние великой княгини – статной, кареглазой, с белым точеным лицом – дополнял наброшенный на голову поверх шапки платок из невесомого китайского шелка да височные кольца с полумесяцами; в руках же она держала увесистый эмалевый ковш с пенистым хмельным медом, дабы по древнему русскому обычаю напоить гостей после долгой дороги.

Князь рядом с супругой казался гигантом – выше почти на голову, вдвое шире в плечах, с заметно выпирающим брюшком и щекастым округлым лицом. Дополнительную солидность ему придавала борода – седая, с редкой примесью каштановых волос, пышная, широкая, длинной на всю грудь, с двумя косичками по левой стороне, украшенными продолговатыми рубиновыми заколками и золотыми наконечниками.

Василий Дмитриевич явственно не находил себе места, то забрасывая руки за спину, то соединяя их спереди, то снова отводя назад, а когда пятеро воинов поднялись примерно до середины ведущей на крыльцо лестницы – не выдержал, сбежал навстречу и крепко обнял идущего первым воина:

– Юра, брат! Какой же ты молодец! Ты опять, ты снова разгромил всех врагов! Ты всегда побеждаешь! Ты просто настоящий Искандер!

– Всегда можешь быть уверен во мне, брат... – Князь Звенигородский также крепко и искренне обнял Василия. – Приду по первому зову!

Непобедимый воевода стрельнул глазами вверх, на миг прищурился на оставшуюся наверху княжескую свиту и снова бодро сжал брата в объятиях.

– Как же я рад, что ты вернулся! – чуть отстранился великий князь посмотрел воеводе в лицо. Улыбнулся: – Котлы кипят чугунные, костры горят горячие, ножи точатся острые! Быть сегодня пиру великому в честь твоей победы! Столы уже составлены, погреба распахнуты, слуги угощения таскать притомились. Входи в дом, Юра. Ныне у нас праздник!

– Подожди, Вася, мы кое-что забыли...

Воевода обнял великого князя за плечо, повел его вниз, на расстеленную перед крыльцом кошму, отступил на три шага, отвел руку в сторону. В эту руку один из дружинников спешно вложил кривую саблю в ножнах с резными костяными накладками.

– Смотрите, люди добрые!!! – громко выкрикнул звенигородский князь. – Вот меч хана Куидадата, разбойника ордынского, что земли Одоевские летом нынешним разорил, а опосля

на Рязань двинулся! Так вот нет больше хана Куидадата и его армии⁴!!! Сгинули дочиста все душегубы под нашими копытами!

Собравшиеся на площади горожане радостно взревели, заглушив даже колокольный звон, а Юрий Дмитриевич, немного покрутившись и дав всем москвичам вдоволь полюбоваться оружием поверженного врага, решительно швырнул его к ногам великого князя.

Василий Дмитриевич сделал шаг вперед, наступив на саблю ногой, и снова крепко обнял брата:

– Поклон тебе низкий, Юрий, за службу верную и подвиги ратные! Так входи же в мой дом, садись за мой стол, преломи со мною хлеб, выпей душистого меда!

– Помилуй, брат, – полушепотом ответил воевода. – Я же токмо с дороги. Дозволь хоть железо на подворье своем скинуть да ополоснуться. Не в броне же мне на пиру сидеть! Париться и обедать не стану. Токмо дух переведу, и сразу к тебе. Любо?

– Токмо не задерживайся! Я жду! – Великий князь уже в который раз обнял воеводу и наконец-то отпустил. Стал подниматься по ступеням.

Наблюдавшая за всем этим с высоты крыльца Софья Витовтовна громко хмыкнула. Широким жестом отвела в сторону ковш, сунув кому-то в руки, развернулась и, подобрав юбки, скрылась в распахнутых дверях дворца.

Быстро миновав сени, выстеленные толстым слоем свежей соломы – дабы никто грязь с улицы в горницы не тащил, – она прошла через обитую синим сукном горницу без окон, подсвеченную лишь четырьмя масляными лампами на углах, проскочила в застеленный коричневой кошкой коридор, упирающийся в слюдяное окно. Обгоняя свиту, промчалась под расписным дивными птицами потолком, повернула в конце направо, нырнув в низкую дверь, и зашагала по тесовому полу меж бревенчатых стен – по проходу, предназначенному для слуг. Через тридцать шагов женщина вышла уже в соседних хором, снова оказавшись под расписными потолками, между закрытых кошкою стен, и ступая по персидским коврам.

Здесь московская правительница согнала с лица улыбку – для чего ей даже пришлось с силой прикусить губу, с суровым видом миновала три горницы с широкими проходами над самым полом – для горячего воздуха от стоящих внизу печей – и остановилась перед резной двустворчатой дверью, каковую охраняли пятеро рынд в белых кафтанах и с маленькими бердышами в руках во главе с боярином в шитой золотом ферязи, надетой поверх переливчатой шелковой рубахи, с украшенной плетеными шелковыми шнурками саблей на боку.

Стража низко склонилась перед московской правительницей и распахнула перед ней тяжелые темно-коричневые и глянцевые от олифы створки, ведущие на женскую половину дворца – святая святых великокняжеских хором, куда посторонние гости попадали крайне редко и только по особому приглашению.

– Софья, подожди! – послышался громкий призыв из дальнего конца коридора.

Княгиня слабо улыбнулась, прошла в двери.

– Тебя супруг окликает, Софья Витовтовна, – на всякий случай предупредил боярин из стражи.

– Благодарю, Мамай Олегович, – кивнула ему женщина, однако сделала еще два шага вперед по пушистому ковру с рисунком из овалов и черно-коричневого плетения. И словно бы в задумчивости остановилась, снова крепко прикусив губу.

Великий князь взмахом руки остановил свиту возле дверей, прошел вслед за женой:

– Софья, подожди!

⁴ «Они же, шедшие со князем Юрьем, царя Куидадата били и силу его присекли...» (Полное собрание русских летописей, том 27, с. 100).

– Да, мой милый! – резко развернулась женщина, и от неожиданности московский правитель отпрянул, сделав два шага назад. Громко кашлянул, повел плечами, а затем укоризненно покачал головой:

– Ты слишком холодна с Юрием, милая...

– Вот как? – удивленно вскинула подбородок великая княгиня. – Это по какой причине ты так решил, дорогой?

– Ты могла бы спуститься ему навстречу вместе со мной! Похвалить, проявить радость. Все-таки он привез нам еще одну победу! А ты... Ты даже слова доброго ему не сказала!

– Ты советуешь мне проявить интерес к другому мужчине, о мой возлюбленный супруг?! – изумленно приподняла брови женщина.

– Софья, ну что ты говоришь?! – всплеснул руками Василий. – Я же не об этом! Я не призываю тебя его любить. Но нужно же проявить хотя бы благодарность! Он разгромил для нас ордынскую армию, он усмирил для нас Закамье, он покориł Нижний Новгород, он победил новгородцев волховских. Он побеждает для нас всех и всегда! Это главный меч нашей державы! Он нам нужен! Во имя благополучия нашего княжества не следует столь уж явно проявлять свое пренебрежение. И потом, он же мой брат! Я люблю его, а он любит меня. Мы одна семья!

– Подумаешь, татарскую банду разогнал! – пренебрежительно хмыкнула великая княгиня. – Невелика заслуга. Ордынцев всегда бьют все кому не лень. Отец мой сколько раз их громил, твой отец постоянно громил, Юрий, вот, тоже громит. Невелика заслуга!

– Мой отец так Орду разгромил, что я потом в Сарае три года в заложниках провел!

– Но ведь разгромил, Васенька, – улынувшись, женщина провела пальцами по щеке мужа и слегка наклонилась вперед, переходя на шепот: – Тохтамыш твоего отца не победил. Просто подловил твоего батюшку в тот момент, когда у Дмитрия надлежащих сил под руками не нашлось.

– Наша сила, Софья, это мой брат, – так же тихо ответил Василий. – Он лучший воевода этого мира! Поэтому не будь с ним столь уж холодна. Не знаю, чем тебе насолил Юра и отчего все эти годы ты постоянно его чурасься... Я не прошу тебя его любить. Но просто прояви хотя бы немного вежливости!

– Как вежливая хозяйка, любимый мой, я обязана позаботиться о пире в честь твоего брата, – женщина качнулась вперед и коротко, но крепко поцеловала великого князя в губы. – Можешь не беспокоиться, муж мой. На сем пиру я стану сидеть рядом с тобой и улыбаться твоему брату со всей возможной искренностью.

– Не понимаю, откуда у тебя к Юре такое предубеждение? – развел руками великий князь. – Вроде как ничего, кроме добра, мы от него не видим. Нашего сына он любит и балует. В Москве появляется всего пару раз в году и долее чем на полмесяца не задерживается, так что компанией своей не надоедает. На охоту съездит, на пиру посидит и быстренько к себе, в Заволочье⁵, прячется. Что тебя в нем так раздражает? Ну ведь никакого повода для недовольства не дает.

– О мой возлюбленный супруг... – почти вплотную, лицо в лицо придвинулась женщина. – Скажи мне, отчего ты избегаешь моих ласк и моей постели? Вот уже скоро месяц, как ты не показывался в моей опочивальне. Отчего?

– Понимаешь... – сразу потух великий князь. – Последние недели слишком много хлопот навалилось. К мельнице новой на Яхрому мотаться пришлось, потом сразу в Клин, спор

⁵ Читая истории о седой древности, следует помнить, что примерно до XVIII века центром обитаемого мира считался Славянский волок возле Вологды. Соответственно, все земли делились относительно него: Русские, Низовские и Заволочье. Заволочье – это все земли, каковые находятся выше Камы и восточнее Волги/Онежского озера.

земельный разрешать. Сверх того челобитные нанесли... Замотался сильно, устал. Да еще гуся по пути сбить попытался и с луком силу не рассчитал, спину потянул... Болит...

– Вот видишь, милый. Тебе никак... – И Софья Витовтовна прошептала мужу в самое ухо: – А бабы, они такие. Мы без мужской ласки звереем. Даже безо всякого повода!

Великая княгиня изобразила кривую, но широкую ухмылку, похлопала мужа ладонью по груди и отступила:

– Теперь извини, мой дорогой, но, если тебе надобен достойный пир, мне следует поспешить. Пусть свита ищет меня в покоях. Хочу поскорее избавиться от сих дорогих одеяний. Уж больно тяжелы. Эй, стража! – повысила голос Софья Витовтовна. – Найдите ключницу и страпух! Пришлите их в мою светелку!

– Стража охранять тебя должна, а не с поручениями бегать! – оглянувшись на близкую дверь, укорил супругу великий князь.

– От кого? – округлив глаза, широко развела руками женщина. – Я же у себя дома!

Она рассмеялась, снова торопливо чмокнула мужа в губы и быстро зашагала по обитому зеленой кошмой коридору. Княгиня более не сдерживала радости – но каждый, кто ее видел, полагал, что в столь прекрасное настроение правительницу привел случившийся с мужем разговор.

Да, действительно, Софье Витовтовне хотелось петь и танцевать, кружиться и хохотать – и она едва сдерживала пылающий в душе жар, что явственно, словно горячее вино, растекался по жилам. Сердце ее стучало, а воздуха не хватало, чтобы наполнить легкие, она не ощущала ни своего веса, ни тяжести минувших годов, и наполняющее ее счастье вырывалось наружу тем невидимым глазу, но заразительным светом, каковой заставлял встречающих слуг удивленно приоткрывать рот, вскидывать брови, растягивать губы в улыбке – прежде чем торопливо поклониться московской правительнице.

Комната перед опочивальней княгини была очень светлой, настоящей светелкой – в толстой бревенчатой стене имелись аж два окна высотой в рост человека и в полтора шага шириной. Слюдяные пластинки разбивали падающие на них солнечные лучи на радужные отблески, наполняющие помещение веселыми разноцветными переливами. Толстый персидский ковер на полу, кошма на стенах, расписной потолок из перекрывающих друг друга огромных ромашек. Всю мебель, кроме кресла перед левым окном, здесь заменяли сундуки разного размера. Даже перед овальным зеркалом из полированного серебра вместо табурета или кресла стоял высокий сундук из темно-красной вишни, окованный медью и с медными же заклепками на боках. Вестимо – великая княгиня не особо доверяла просторным кладовым и все самое ценное предпочитала держать рядом с собою, под личным приглядом и под рукой.

Софья Витовтовна, негромко напевая, начала раздеваться, не дожидаясь слуг: расстегнула плащ и скинула его прямо на пол, развязала платок, расстегнула жемчужную налобную подвеску с височными кольцами, развернула самоцветное оплечье...

– Как можно, княгиня?! – даже испугались, увидев сие, боярыни из свиты. Едва открыв дверь, они тут же кинулись к госпоже: – Что же ты сама-то утруждаешься?! Дозволь помочь, дозволь услужить!

В несколько рук на правительнице великой державы расстегнули оплечье, сняли с нее тяжелое парадное платье из густо расшитой золотой нитью парчи с собольей опушкой.

– Подайте домашнее, зеленое, – распорядилась Софья Витовтовна. – Пуховый платок и каракулеву душегрейку.

Свита засуетилась. Защелкали замки шкатулок, скрипнули петли тяжелых крышек на сундуках, зашелестело перекладываемое тряпье.

– Ты меня звала, великая госпожа? – В раскрывшейся двери появилась упитанная милотвидная девица; ростом Софье Витовтовне едва под подбородок, с округлым лицом, пухлыми розовыми щеками и крохотными голубыми глазами, в платье явно с чужого плеча.

Судя по остаткам золотого шитья на малиновом сукне и подвытертому бобровому воротнику – наряд ранее принадлежал великой княгине, став для служанки наградой или просто знаком расположения. Вот только перешить платье у пухлой коротышки получилось плохо. Если юбка ровно скользила по полу, то корсет болтался на плечах, либо подпрыгивая, либо качаясь из стороны в сторону. Впрочем, сие неудобство драгоценного сарафана девицу явно не беспокоило.

– Наконец-то, Пелагея! – облегченно вздохнула правительница, стоя перед зеркалом с разведенными в стороны руками. – Сказывай, как оно там?

– Четырнадцать бочонков стоячего, да осьмнадцать вареного, да браги для челяди три десятка стоит, – быстро отчеканила служанка, – да три вина немецкого. Было семь по весне куплено, да все ушло понемногу.

– Четырнадцать мало! – резко повернула голову Софья Витовтовна. – На пир, мыслю, под две сотни мужчин соберется. Дружинники еще не разъехались, да служилые бояре, да дармоеды всякие обязательно примажутся...

– Я так помыслила, великая госпожа, – чуть склонила голову Пелагея, – надобно поперва на стол стоячий мед выкатить, дорогой да добротный. А как захмелеют слегка гости, так опустевшие бочонки вареным медом заменить. Да сверх того мальчишек прислуживающих девками ладными заменить. Дескать, рук на все хлопоты не хватает, пришлось на помощь призвать. Мужики, знамо дело, больше на косы да титьки коситься станут, нежели к ковшам приглядываться. Опять же, мысли их к сладким прелестям повернут, сие к спокойствию общему вельми полезно выйдет. Ратники ведь, известное дело, как напьются, так зараз начинают знатностью да лихостью своей похваляться, да подвигами. А там и до драки недалеко, ибо каждый силушку свою молодецкую превыше чужой ставить, да доказать сие норовит. Пусть лучше баб с девками тискают, нежели кулаки чешут!

– А ты хитра, ключница, – одобрительно кивнула великая княгиня. – Всегда придумаешь, как выкрутиться.

– К опричному столу тоже девок направить? – невинно поинтересовалась служанка.

– Нет, Пелагеюшка, для моего супруга мы добротного меда жалеть не станем, – добродушно рассмеялась шутке Софья Витовтовна. – Так что холопки пусть токмо внизу стола крутятся. Что еще?

Великая княгиня подняла руки, позволяя облачить себя в обычный полотняный зеленый сарафан с простенькой вышивкой красной и синей нитью. Одевание, позволяющее выходить из дворца, не привлекая внимания. По крайней мере – дорогой одеждой.

– Два лебедя и трехпудовый осетр для красоты стола, шесть пудов убоины и буженины для сытости, два бочонка грибов и столько же капусты, да пироги всякие для разнообразия, яблоки, ревень и мед для вкуса, – загибая пальцы, перечислила ключница. – Да в погребе судаки припасены, щуки, белорыбица, и бараньих полтей⁶ еще с полсотни будет. Посмотреть надобно, чего охотнее кушать станут, да опосля из припасов стол пополнять.

– Пожалуй что, ты сама состряпухами разберись, Пелагея, – огладила вышивку на груди уже почти одетая великая княгиня. – Ты, как я поняла, все уже продумала. По своему плану и поступай, доверяю. Я же ныне должна сходить помолиться. Надобно возблагодарить Господа Бога за чудесное наше избавление от татарской напасти и победу над ханом Куидадатом. Господь должен знать, что мы ценим его милости и благодарны за помощь...

⁶ Полть – половина туши, разрубленная вдоль хребта.

С этими словами Софья Витовтовна взяла из рук одной из женщин бурый плащ из мягкого войлока с горностаевой опушкой и сама накинула себе на плечи.

– Мы проводим тебя, княгиня... – без особой бодрости предложила женщина.

– Не надобно, – решительно отмахнулась московская правительница. – Для общения с Богом свита не нужна!

Боярыни послушно склонили головы.

Свита уже давно привыкла, что великая княгиня посвящала много сил строительству храма Вознесения, в котором часто молилась. Иногда – раз в неделю или две, а порою и ежедневно, уединяясь в специально возведенном приделе. Всегда – благонравная, тихая и скромно одетая.

Великокняжеская свита при сем воздержании и впрямь казалась чуждой. Кравчая, какая должна пробовать угощения, прежде чем подать госпоже; конюшая, отвечающая за выезд правительницы, господские кареты, кибитки и лошадей; спальница, застилающая и расстилающая постель, облачающая госпожу ко сну, следящая за порядком в спальне; стольница, накрывающая княгине стол, когда та кушает в одиночестве; постельничья, отвечающая за наличие у госпожи постельного белья и вообще потребных для хозяйства тканей, следящая за фабриками и мастерскими государыни; ясельница, отвечающая за корм для скота; печатница, носящая печать и утверждающая одобренные Софьей Витовтовной бумаги... и еще с добрый десяток очень нужных для повседневной жизни знатных служанок – куда с этакой-то толпой да тихой молитве предаваться? С полной свитой токмо на торжественное богослужение придти можно. Да и то не во всякой церкви поместится!

Посему служивые женщины безропотно остались в покоях, а их госпожа в одиночестве вышла из светелки, а затем и из дверей на женскую половину.

Разумеется, четверо воинов из дворцовой стражи тут же молча отправились вслед за Софьей Витовтовной, нисколько не интересуясь ее мнением.

Мало ли что? Знатной даме оставаться без телохранителей нельзя.

Следуя в нескольких шагах за государыней, рынды вышли через боковое крыльцо, пересекли площадь, шагнули в храм, над которым строители за долгие годы так и не возвели правильные купола – от осенних дождей его оберегала временная кровля, положенная поверх нескольких сосновых стволов, кинутых на края каменных стен. И, может быть, поэтому в церкви почти всегда было пусто.

За порогом великая княгиня поклонилась распятию, стоящему сразу за алтарем, дважды размашисто перекрестилась, после чего обошла церковь по кругу, придирчиво осматривая стены и кое-где ковыряя ногтем раствор. Несколько раз хмыкнула, подняла голову:

– Ладно. Будет крыша, закроем штукатуркой.

К алтарю быстренько выбежал священник – упитанный, растрепанный, в коричневой рясе и с большим золоченым крестом на груди. Остановился, кашлянул, торопливо отер рот, огладил рыжую бороду, снова кашлянул и замер, сложив руки на животе. Однако знатная прихожанка вовсе не обратила на него внимания.

– Подождите здесь... – приказала телохранителям Софья Витовтовна, повернула в правое крыло храма, перед одной из дверей остановилась. Сложила ладони на груди, опустив голову. Перекрестилась, вошла в часовню. Притворила дверь за собой.

Здесь, в крохотной сумрачной комнате с маленькими окнами, стены были ровно оштукатурены и выбелены, на полу лежал вязанный коврик, стояло два подсвечника, а на стене висело темно-красное распятие из мореного дуба, похожее на огромный отпечаток куриной лапы⁷.

Великая княгиня остановилась перед ним, перекрестилась, склонила голову. Немного выждала и через левое плечо воровато покосилась на входную дверь...

⁷ «Вилочковый крест», особо популярный на Руси вплоть до XVIII века.

* * *

Как раз в эти самые минуты князь Звенигородский, уже вернувшийся на свое подворье, избегая от доспехов. Сиречь – стоял перед полированным серебряным овалом, расставив руки в стороны, и дожидаясь, пока холопы расстегнут крючки на правом боку бахтерца.

Самостоятельно снять полуторапудовую броню из перекрывающих друг друга стальных пластинок воин, конечно же, мог. Однако сие занятие было не самым простым и не самым быстрым. Справляться с тяжелым железом втроем получалось куда как сподручнее.

Шлем стальной с бармицей да подшлемник. Опосля бахтерец, затем толстый стеганный поддоспешник. Сапоги, пухлые меховые штаны. Последней слуги сняли с хозяина длинную, до колен, серую полотняную рубаху.

– О-о, блаженство! – с явным облегчением выдохнул Юрий Дмитриевич, оставшийся в одном лишь шелковом исподнем. – Невесомым себя ощущаю, ровно пушинка тополиная. Так бы птичкой небесной к облакам и вспорхнул!

Князь Звенигородский слегка подпрыгнул, словно бы и вправду собирался оторваться от пола...

Взлететь получилось совсем невысоко – однако ощущения мужчины, скинувшего с себя больше двух пудов брони, оказались совершенно другими. Он фыркнул и опасливо пригнулся:

– Чегой-то, Плечо, потолки-то у меня в светелке больно низкие! Как бы голову не зашибить!

– Коли боязно, княже, войлоком обить можно, – невозмутимо посоветовал пожилой слуга. Совсем седая голова с хорошо заметной вмятиной слева от макушки и пара шрамов прямо на горле выдавали в нем бывшего ратника, а левое плечо, заметно возвышавшееся над правым, подсказывало, откуда у старого холопа взялось его прозвище. Слуга тщательно осмотрел шлем, прежде чем передать его молодым подворникам, повернулся к князю: – А можно персидский ковер подшить. Самый пушистый.

– Зашибусь, тогда и обошьем, – решил князь и скомандовал: – Воды!

– Дык в бане вода-то, княже! Не здесь же полы поливать... – Не найдя повреждений на подшлемнике, Плечо отдал его отрокам, повелительно махнул рукой, и те унесли броню из светелки.

– Дык пойдем! – хлопнул его по груди воевода и стремглав выскочил за дверь.

Стремительным шагом Юрий Дмитриевич промчался по коридорам, выскочил через кухонную дверь, пересек двор, забежал в жарко натопленную баню. Черпнул большим ковшом в шайку холодной воды, горячей, перемешал рукой, вскинул над головой, опрокинул на потное тело:

– Хорошо!

Снова черпнул, смешал, опрокинул на себя.

– Может, все же попаришься, княже? – пожилой слуга был уже здесь. – Нормально, до косточек, дочиста!

– Успею, Плечо! – отмахнулся Юрий Дмитриевич. – Перво-наперво надобно Господу помолиться, за победу великую Всевышнего поблагодарить, службу отстоять. А уж потом всем прочим заниматься.

– Тогда хоть щелоком оботрись, – посоветовал холоп и протянул хозяину уже влажную мочалку.

Князь послушался, наскоро помазался мыльной жижей, дважды окатился, выбежал в предбанник. Здесь его уже ждало чистое исподнее, портки из темно-зеленого бархата, а также подбитая горностаем замшевая ферязь без рукавов и парчовый берет с самоцветной брошкой. Наряд, понятно, не для бедняка; однако для брата правителя великой державы – более чем

скромный. Поверх сего Юрий Дмитриевич накинул совсем уже неброский коричневый суконный плащ. Опоясался, огладил сумку на боку и рукояти двух ножей.

– И чего ты, княже, вечно так в нее спешишь, в церковь-то? – поинтересовался холоп. – Боги, они ведь бессмертны. Веком раньше помолишься, веком позже, им без разницы.

– Но ведь я не бессмертен, Плечо! У меня каждый час на счету!

– Так прямо из бани и побежишь?

– Для общения с Богом свита не нужна, Плечо! – подмигнул слуге звенигородский князь. – Скромно уйду, никто не увяжется.

– Я тогда здесь подожду, дабы не искали, – вздохнул старый слуга. – И наряд парадный сюда велю принести, дабы ты после бани сразу в него облачился. Тебе ведь сегодня на пир, как я помню, Юрий Дмитриевич?

– Я знаю, Плечо, – кивнул князь. – На тебя можно положиться. Ты тут перекуси пока, вина выпей. Попарься.

– Воля твоя, – смиренно согласился холоп и направился к накрытому в предбаннике столу.

Слуга был достаточно мудр, чтобы не интересоваться тем, куда, почему и зачем столь часто исчезает его господин. Холопское дело служить хозяину, а не следить за ним. Раз убегают – стало быть, так надобно. Его дело сделать так, чтобы убежать князю было удобно и чтобы получилось сие незаметно.

У накрытого стола Плечо щедрой рукою налил себе алого немецкого вина, зачерпнул полной горстью янтарную курагу, кинул в рот, потянулся за запеченной куропаткой, покрытой хрустящей коричневой корочкой. Подкрепившись, скинул с себя одежду, ушел в парилку, вытянулся во весь рост на верхнем полке, сладко потянулся и закрыл глаза.

В холопской жизни, известное дело, свои удовольствия. В походе – добыча, в усадьбе – сытная еда, жаркая баня, теплый дом и мягкая постель. А откуда, как, где все это берется – за то пусть у хозяина голова болит. На то он и князь. Холопье дело – не думать, а приказы выполнять. Прикажут саблю обнажить – идти и сражаться. А приказали угощаться – выходит, так тому и быть. Смирись и слушайся. Любые приказы надобно исполнять на совесть!

Тем временем Юрий Дмитриевич, завернувшись в плащ и опустив голову, осторожно выскользнул из бани, тут же свернул влево к тыну, вдоль него обогнул свои высокие многоярусные хоромы, бревенчатые с резной осиновой черепицей, вышел к задним воротам.

Там полтора десятка мужиков и холопов деловито разгружали длинный роспуск, заваленный тощими, корявыми и кривыми березовыми хлыстами – на дрова. Увидев князя, все работники посрыгали с голов шапки и низко поклонились:

– Наше почтение, княже!

– Продолжайте, – разведя полы плаща и распрямляясь, кивнул им Юрий Дмитриевич. – Вижу, стараетесь. Молодцы.

Выйдя на улицу, он повернул влево, тут же снова запахнулся и опустил голову, пряча лицо от редких прохожих.

Здесь в скромно одетом мужчине великого воеводу узнавать перестали. Князь Звенигородский несколько успокоился и ускорил шаг, поспешая в сторону великокняжеского дворца.

* * *

Софья Витовтовна, перекрестившись на крест, снова оглянулась на входную дверь, затем отступила в дальний угол часовенки, толкнула там узкую выбеленную дверь, собранную из трех тесовых досок, и вошла в густо пахнущую пряной горечью конурку, плотно забитую сеном.

Приказ великой княгини складывать сено для церковных нужд на два нижних яруса звонницы Вознесенского храма никого особо не удивил. Ведь для колоколов эти комнатухи не

годились, никаких служб или таинств тут тоже не проводилось. И потому везде и всюду под звонницами извечно скапливался всякий хлам либо держалось не самое ценное имущество. Желание правительницы использовать помещение под сеновал было не самым удобным – но, в общем-то, и не самым странным решением.

Пробравшись среди колких ароматных охапок, женщина отодвинула засов на наружной двери, после чего вернулась назад и опять замерла перед высоким распятием, погрузившись в молитвы и набожные размышления.

Ровно до тех пор, пока за стеной еле слышно не хлопнула дверь.

Великая княгиня опять опасливо оглянулась через плечо, быстрым шагом прошла к угловой створке, в звонницу, там – уже улыбаясь – поднялась по крутой деревянной лесенке на второй ярус и с разбегу упала на расстеленный поверх пряного, мягкого, шуршащего сена плащ:

– Любый мой! Наконец-то ты здесь!

Ее уста тут же замкнул горячий поцелуй, по плечам и бедрам скользнули жадные ладони. Женщина расстегнула заколку плаща, освобождая ворот, и закинула руки за шею своего витязя. Тихо засмеялась, подставляя лицо прикосновению мужских губ, отдаваясь нетерпеливым ласкам, утопая в жаркой сладкой нежности, растворяясь в ней, исчезая, стгорая вся без остатка – до тех самых пор, пока взрыв раскаленного наслаждения не вернул обоих к реальности. Софья Витовтовна жадно схватила воздух широко раскрытым ртом, выдохнула и обеими руками уперлась мужчине в грудь, отодвигая его от себя:

– Все, все, все, ненаглядный мой и желанный! Остановись! Пир, пир всего через час! Нам надобно расставаться!

– Да успеется, лебедушка моя, без нас не начнут... – Витязь перехватил ее руки и стал целовать запястья. – Еще хоть немного! Подари мне еще хоть пару мгновений счастья!

– Сама жду каждой встречи с радостью, сокол мой ясный, – женщина запустила пальцы любимому в волосы. – Но надобно и осторожность проявить. У нас сегодня пир. Супруг мой ныне не тот, что ранее. Сутками напролет за столом не сидит. К вечеру в покои удалится. Я же покину вас вовсе часа через три после начала застолья. И потому перед сном смогу снова в церковь отлучиться. Коли желаешь, вслед за Василием тоже можешь уходить и сюда заглянуть... – Софья Витовтовна привлекла мужчину к себе и крепко поцеловала. – Я стану ждать. Но сейчас... – Она опять решительно оттолкнула мужчину и поднялась, оправляя платье.

– Постой! – Возлюбленный великой княгини, все еще лежа среди сена на коленях, дотянулся до своего ремня, расстегнул сумку, достал из него сверкнувшую золотом и изумрудами ленту и, встав на колено, с поклоном протянул ее обеими руками своей женщине: – Вот, лебедушка моя, прими мой дар и мою преданность! Это пояс татарского хана Куидадата, разгромленного мною в твою честь возле Рязани.

– Юра, Юрочка, мой храбрый несокрушимый лев! – Софья Витовтовна взяла подарок, сама опустилась перед князем на колени и обняла мужчину, поцеловала его в глаза, а затем в губы. – Ты мой меч, ты моя отрада, ты мое счастье и моя любовь! Даже не знаю, как отблагодарить тебя за сию благодать...

– Ты знаешь как... – многозначительно ответил воевода, и его ладони снова скользнули по бедрам властительной красавицы. – За каждый поцелуй, красна горлица, я положу к твоим ногам всю ойкумену и разгромлю любые армии мира земного и небесного!

Великая княгиня качнулась вперед, крепко поцеловала своего любимого в губы и отстранилась, с улыбкой разрешив:

– Ойкумену принесешь потом. Лучше сам на закате приходи. Но ныне нам обоим надобно спешить!

Спрятав подарок в свою поясную сумку, она поднялась, снова отряхнулась, направилась к лестнице. Спускаться по крутым ступеням в пышных юбках оказалось крайне несподручно, и потому наскоро одевшийся воевода нагнал ее аккурат к тому мигу, когда Софья Витовтовна

ступила на пол. Князь с княгиней вновь жадно поцеловались – после чего Юрий Дмитриевич вышел через наружную дверь.

Женщина затворила за ним засов и вернулась в часовню. Стоя перед крестом, внимательно себя осмотрела. Расправила складки юбки и лифа, стряхнула несколько травинок. Огладилась, перекрестилась – и решительно вышла в просторный зал недостроенного храма.

Здесь к ней поспешно пристроилась охрана – и в сопровождении суровых оружных бояр государыня быстрым шагом вернулась в великокняжеский дворец, сразу направившись в трапезную. Там, в огромной четырехстолпной палате с десятью окнами, выходящими сразу на две стороны, слуги уже составили единый стол длиной примерно в пятнадцать сажен⁸. Он начинался слева от входа, огибал все четыре столба и заканчивался справа от входа. Парчовые скамьи, обитые бархатом скамьи, желтые восковые свечи в люстре под потолком и в настенных светильниках. Пока еще не зажженные – и без того было светло. Но пир – он ведь одним днем не закончится...

Перед переключиной, соединяющей ножки главного стола, стоял на возвышении еще один, «опричный» стол, всего в две сажени длиной. И он был единственным, возле которого вместо скамьи стояли кресла и на котором имела посуда – кубки и тарелки. Золотые, покрытые чеканкой и сверкающие вправленными в стенки самоцветами.

Гостям подобной роскоши не полагалось. Но вовсе не потому, что кто-то желал их унижить. Просто по истари заведенному русскому обычаю бояре и князья черпали напитки ковшом из бочонков либо пили вокруг прямо из братчины, а угощение резали собственными ножами и сразу отправляли в рот либо клали на куски хлеба, доедая с него. И только великий князь позволял себе некоторую «особость». Да и то не всегда.

– Прикажешь подать на опричный стол вино, великая госпожа?

Софья Витовтовна вздрогнула от неожиданности, покачала головой:

– У тебя очень плохая привычка подкрадываться незаметно, Пелагея. Когда-нибудь тебя с перепугу рубанут саблей.

– Настоящий слуга должен быть неслышен и невидим, великая госпожа, – отозвалась ключница. – Порядок в доме должен сохраняться как бы сам собой.

– Сейчас речь не о порядке, Пелагея! – повернулась к помощнице правительница.

– Лебеди готовы, рыбу украшают, убоина, соленья и сласти разложены, корцы приготовлены, бочонки вскрыты, – скороговоркой отчиталась ключница. – Все надобное вынесут на столы, когда князь Звенигородский спешится перед крыльцом. Украшения же появятся после первых двух тостов. С особым торжеством. Вареный мед покамест в погребах. Велю выкатить, когда стемнеет. Сразу после того, как свечи запалят. Сумерки, хмель, ладны девицы... Никто ничего не заметит... Так мне подать на опричный стол немецкого вина, великая госпожа? Сказывают, ушкой от Смоленска пришел со свежим товаром. Завтра можно будет купить напитки нового урожая.

Софья Витовтовна поколебалась всего пару мгновений и резко мотнула головой:

– Нет, пусть будет мед! С меда обычно в сон тянет, а с вина – на подвиги. Подвигов же нам на празднике не надобно. Пусть лучше князья с дремотой борются, нежели драки затевают.

– Опричный стол, великая госпожа... – осторожно напомнила ключница.

Княгиня промолчала.

– Ясно. Хмельной мед, – понимающе склонила голову служанка.

– У меня ныне много хлопот, Пелагея, – окинула взглядом палату Софья Витовтовна. – Посему поручаю этот пир тебе. Коли все пройдет гладко, получишь два рубля в награду. Распожайся! Я же пошла переодеваться.

⁸ Сажень разного размера на Руси имелось бесчисленное количество – от маховых до путевых, но размером «обычной» по умолчанию считается рост человека.

* * *

Путь Юрия Дмитриевича оказался еще проще. Поскольку возле звонницы стояла огромная поленница из длинных и толстых липовых чурбаков – тихо выскользнувшего из двери мужчину никто не заметил. Князь прошел вдоль высокой стены из дров почти до самой крепостной стены, свернул налево вдоль нее, после чего поспешил к своему подворью.

У задних ворот слуги все еще продолжали разгружать березовые хлысты. Правда, судя по устало дышащим лошадям – это был уже другой ропуск.

– Наше почтение, Юрий Дмитриевич, – снова склонились в поклоне работники.

– А откуда это ты, княже? – слышался среди общего почтения мальчишеский голосок.

– Тебе что за дело до хозяйских хлопот? – Старшие подворники тут же наградили нахального отрока звонким подзатыльником.

– Для искренней молитвы свита не нужна, – совершенно не проявив недовольства, мимоходом откликнулся Юрий Дмитриевич давно заготовленной фразой, шагнул во двор, обогнул свои хоромы и заскочил в баню.

Престарелый холоп, увидев хозяина, громко проглотил не вовремя оказавшееся во рту вино, вскочил и поклонился:

– Я побегу, велю гнедую оседлать?

– Беги! – согласился князь.

Свое дело Плечо знал: на лавке хозяина дожидались исподняя шелковая рубаха, пронзительно-изумрудные бархатные штаны, парчовая ферязь, округлая соболья шапка, наборный пояс из янтарных и хрустальных пластин с двумя оправленными в резную слоновую кость ножами и малиновый плащ нежнейшего индийского сукна с бобровым подбоем и самоцветной заколкой.

Воевода скинул с себя скромные одежды, прошел в баню, опрокинул на голову ушат чуть теплой воды, пригладил мокрые волосы, выжимая на спину струйки воды. Вернулся в предбанник, наскоро вытерся, оделся. Шагнул на крыльцо – и слуга тут же подвел прямо к ступеням богато оседланного, статного туркестанца.

И спустя четверть часа князь Звенигородский уже спешил возле великокняжеского дворца.

На сей раз все вышло чинно и благородно: Василий Дмитриевич, властитель Московский, вместе с супругой дождался наверху, покуда гость поднимется по укрытым красной кошмой ступеням и, прижав ладонь к груди, склонит свою голову перед правителем:

– Рад видеть тебя снова, брат мой и повелитель! Рад видеть так же и тебя, Софья Витовтовна!

– И я рад видеть тебя, брат мой, – поклонился в ответ великий князь.

– Вот, Юрий Дмитриевич, – поднесла воеводе серебряный с эмалью корец хозяйка дома. – Испей киселя с дороги, утоли жажду.

Князь Звенигородский принял из ее ладоней изящный ковшик, быстро осушил и перевернул, показывая, что не осталось ни капли. С поклоном вернул. Однако целовать хозяйку, по старинному обычаю, не стал. Что, впрочем, оскорблением никогда не считалось. Мало ли, у гостя жена шибко ревнивая али сам чеснока не ко времени поел?

– Входи в дом, гость дорогой, – посторонившись, указал рукой на двери великий князь. – Преломи со мною хлеб насущный, угостись, испей, чем бог послал.

Софья Витовтовна в этот миг отступила в сторону и отвернулась к свите, заговорив о чем-то со своей кравчей, княгиней Горчаковой. Посему гостю пришлось проходить в дом мимо спины хозяйки и без ее внимания.

Великий князь Василий, наблюдая за подобным небрежением на грани грубости, недовольно покачал головой.

Однако отвернувшись княгиня сего укора тоже не заметила.

По счастью, братья шли по коридорам дворца без особой поспешности. Посему хозяйке удалось их нагнать еще на полпути, и в просторную, светлую пиршественную палату, пахнущую свежим хлебом, жареным мясом и кисловатым духом от множества солений, знатнейшие люди великой Руси вошли одновременно: правитель Московский с супругой под руку и их лучший воевода: князь Юрий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, властитель Звенигородский, Галицкий, Рузский и Вятский.

Собравшиеся в трапезной палате бояре степенно поклонились правителю. Иные из них явились сюда в шитых золотом ферязях, иные в тяжелых дорогах шубах, иные в плащах с драгоценными застежками. На торжественный победный пир, знамо, были приглашены самые знатные, именитые люди и воеводы русской земли. И раз уж праздник выпал ратный, а не семейный – приглашены без жен. Единственными женщинами в сей зале оказалась княгиня Софья Витовтовна и ее кравчая. По крайней мере – до первых сумерек.

Правительница заняла кресло по левую руку от великого князя, ближе к сердцу. Юрий Дмитриевич – по правую.

– Я не сяду! Невместно сие, неместно! – послышался громкий выкрик с левой стороны стола. – Здесь я не сяду!

Обычное дело: бояре опять сцепились за места, споря о своей родовитости, – слуги же пытались их усовестить. Чаще всего обсуждение заканчивалось соглашением, ибо родовитость каждого была известна всем и каждому. Иногда – приказом великого князя, выражением его воли. Иногда – судом. Но для сего несогласным пришлось бы покинуть пир, ибо сесть ниже друг друга не согласился бы ни один из спорщиков.

Обычное дело – но на сей раз голос показался князю Звенигородскому знакомым.

– Я внук Владимира Храброго! – звонко возмущался невидимый боярин. – А ты куда меня пихаешь, холоп?!

– Княжич Василий Ярославович?! – громко поинтересовался Юрий Дмитриевич. – Что там случилось, новик?!

– Княже, они сажают меня к худородным! – обрадовавшись поддержке, знатный юноша подбежал к опричному столу. – Меня, внука самого Владимира Храброго! К простым холопам!

На сей раз на мальчишке сидела высокая бобровая шапка, открывающая его слегка оттопыренные уши – что в сочетании с высотой головного убора придавало Василию Боровскому несколько забавный вид. Шитая золотом ферязь, оплечье, тяжелая соболья шуба... Вестимо, новик очень хотел выглядеть взрослым, солидным боярином. Но в результате парадная одежда лишь еще больше подчеркивала малолетство тринадцатилетнего отрока.

– Прости, великий князь, – к опричному столу подошел рыжебородый стряпчий лет сорока, бритый наголо, с бисерной тафьей на макушке, в красной суконной ферязи без рукавов и синих шароварах. За ним шагали крепкие холопы в полотняных рубахах, опоясанные атласными кушаками и – словно на подбор – с окладистыми черными бородами лопатой.

– Как попал потомок самого Ивана Калиты на низ стола, Велинбаш? – с легким удивлением поинтересовался московский правитель.

– У князя Владимира Храброго было семеро сыновей... – виновато разводя руками, поклонился стряпчий. – Ярослав четвертый... Княжич Василий его сын...

Василий Дмитриевич молча посмотрел на брата.

Ответ оказался прост до банальности. Поскольку Владимир Храбрый был знатным удельным князем – то его старший сын имел по местническому счету равенство с удельными князьями. Однако четвертый сын – это четыре ступеньки вниз по знатности. Удельным князьям четвертый потомок очень сильно не ровня. Сын четвертого сына – это шаг еще ниже, куда-

то к безземельным боярам. Если же у старших братьев князя Ярослава тоже есть сыновья – местническое звание новика проваливалось и вовсе куда-то к простому люду.

Прямой праправнук великого князя Ивана Калиты в местнических списках числился худородным!

И ведь все – по закону.

Похоже, для княжича Боровского это был самый первый выход «на люди». В родовом уделе, каковой его отец делил со старшими братьями, Василий ощущал себя знатнейшим человеком, потомком Ивана Калиты и Владимира Храброго, родовитейшим боярином – и даже не подозревал о своем истинном месте в большом мире...

– Княжич Василий проявил себя в битве с ханом Куидадатом самым достойным образом, брат мой! – громко произнес Юрий Дмитриевич. – Выказал неимоверную храбрость, первым бросившись на татарские полчища, принял на себя самый сильный удар вражеских полков, бился один супротив семерых и был опрокинут наземь лишь количеством подлых душегубов, пред ворогом ни на шаг не отступив! Мы извлекли его после победы бесчувственным, в посеченной броне и залитым татарской кровью. Никогда не бывало столь же юного витязя, более мужественного и умелого, нежели сей отрок из колена Калитичей!

От услышанных слов мальчишка буквально расцвел, выпятил грудь и развернул плечи, его щеки и оттопыренные уши изрядно порозовели.

– Это верно, очертя голову малец на степняков бросился... – подтвердили от столов несколько дружинников. – Из-под трупов разбойничьих опосля откапывать пришлось... Храбрый новик. Сразу видно, чей внук! В дедушку уродился.

– Рад видеть пред собой столь достойного, несмотря на малые годы, воина, – размеренно ответил великий князь. – За свою отвагу он будет достойно награжден.

И все... Государь смолк.

Василия Дмитриевича тоже можно было понять. Будь мальчишка хоть семи пядей во лбу, победы в одиночку целую армию, приведи огромную добычу – знатности сие все равно ему не прибавляло. И посади правитель отрока хоть на пару скамеек выше – это станет оскорблением для всех прочих родовитых бояр. Вместо праздничного победного пира в трапезной дворца разразится огромный скандал! И хорошо, если не бунт.

– Какой милый юный мальчик... – прозвучал в затянувшейся тишине ласковый женский голос. – Не рано ли тебе на пиру хмельном сидеть, княжич?

– Коли для битвы достоин, стало быть, и для пира уже дорос! – гордо ответил новик.

– Да, я слышала, – кивнула Софья Витовтовна. – Сказывают, умел ты и храбр до невесты. Рядом с таким воином слабой женщине можно жить спокойно, как за каменной стеной. Хотела бы я иметь подобного витязя в начальниках своей стражи... Скажи, Василий Ярославич, охрана великой княгини не оскорбит твоей родовитости?

Вопрос, понятно, имел лишь один-единственный ответ.

Расхваленный воеводой новик упал на колени и склонил перед знатнейшей женщиной ойкумены свою голову:

– Почту за честь, великая княгиня!!! – и от резкого движения шапка слетела на пол, обнажив густые русые вихры.

– Ты позволишь, любимый? – повернулась к мужу правительница.

– Все, что пожелаешь, любимая, – согласно кивнул правитель.

– Отныне ты мой главный телохранитель, княжич Василий! – сообщила Софья Витовтовна раскрасневшемуся мальчишке. – Пospешай на свое подворье, переоденься для службы. Шубы и шапка для сего не надобны, а сабля на пояс пригодится. И пять-шесть холопов самых доверенных прихвати! Не то чтобы у нас во дворце опасно было... Но для порядка положено. Через три часа жду тебя здесь.

– Слушаю и повинуюсь, великая княгиня! – восторженно заорал новик, подхватил с пола шапку и выскочил из пиршественного зала.

Бояре за столом одобрительно загудели, великий князь Василий Дмитриевич накрыл ладонь своей супруги ладонью и прошептал:

– Спасибо...

Многоопытная Софья Витовтовна в очередной раз доказала свою находчивость и политическую мудрость. Она ухитрилась выгнать смутьяна из-за стола и вообще с пира таким образом, что тот ощутил себя не униженным, а награжденным – и погасила ссору, никого не оскорбив, не задев ничьей чести, не вызвав никаких споров и ничьей зависти. Ведь служба в дворцовой страже – это не то место, за которое борются знатные рода. Им ведь всем воеводства да полки ратные подавай!

К тому же из стражи новика в любой день и час можно отослать в иное место, и даже назвать сию ссылку наградой, записав ее как «кормление⁹». Посему никаких хлопот в будущем случившееся по нужде назначение причинить не должно.

Еще раз пожав ладошку жены, Василий Дмитриевич чуть привстал, развел руками и громко пригласил:

– Прошу к столу, бояре! Ныне день у нас радостный, счастливый! Празднуем мы победу славную над очередной ордынской напастью! Наголову разбит силой русского оружия проклятый хан Куидадат, и меч его ныне попран моим сапогом! Посему с гордостью призываю вас всех отпраздновать со мною сию замечательную победу! Осушим ковши и кубки наши за новую победу!

– За победу, за победу! – с радостью подхватили призыв бояре, разбирая резные липовые ковши и зачерпывая ими из стоящих по всему столу пузатых бочонков пенистый хмельной мед. – Слава великому князю нашему! Слава победителю!

Василий Дмитриевич благодарно кивнул и вскинул свой золотой кубок.

Гости вскочили:

– Слава нашему князю! Слава победителю! Любо Василию Дмитриевичу! – Бояре осушили ковши.

Князь Юрий Дмитриевич – тоже. Ведь он сражался под московскими хоругвями во главе московского ополчения в походе, в который его направил старший брат. Московское оружие, московские воины и он сам – московский воевода. Посему, как ни крути, его победа – есть победа Москвы и московского великого князя. Равно как победа простого ратника всегда есть победа и его воеводы.

– Василию Дмитриевичу слава! – громко сказал он и демонстративно осушил кубок с хмельным медом до самого дна.

Пусть все видят, что между братьями, сыновьями Дмитрия Донского, никаких нет разногласий! Есть токмо дружба и родственное единство!

Выпив, гости потянулись к угощению, разбирая хлеб, накалывая кусочки мяса на кончики ножей, зачерпывая пальцами квашеную капусту либо выбирая холодные, с ледника, хрустящие стебли кислого ревеня, дабы макнуть их в сладкий мед и закусить получившимся насыщенным вкусом пряно-соленую убоину.

Софья Витовтовна прищурилась, придирчиво осматривая столы. Моченые и свежие яблоки, курага и чернослив, лотки с заливной щукой и судаком, почки заячьи и куропатки на вертелах, и блюда с сочащейся янтарным жирком убоиной. Похоже, княгиня не зря доверилась Пелагее, служанка потрудилась на совесть. Угощение выглядело обильно и разнообразно.

⁹ Кормление – «взятокемкая» должность. В старые добрые времена взятки считались вполне себе легальным доходом, заменяющим зарплату.

Впрочем, ключница и ранее никогда не подводила госпожу, несмотря на свою молодость и внешнюю несуразность.

– Слушайте меня, бояре! – поднял кубок великий князь. – Вторую нашу здравицу провозглашаю в честь брата моего Юрия! Лучшего нашего воина! Лучшего воеводу! Лучшего слугу! Любо брату моему, князю Звенигородскому!

– Любо, любо-о-о! – с готовностью подхватили гости, зачерпывая пенистый хмельной мед. – Слава Юрию Дмитриевичу! Слава великому победителю!

Пирующие опустошили ковши, еще немного подкрепились обильным угощением – после чего двери трапезной распахнулись, и одетые в белые атласные рубахи, опоясанные красными кушаками слуги вчетвером внесли большущий поднос, на котором гордо возлежал в окружении зелени, золотистых карасиков, яблок и россыпи клюквы громадный – три пуда веса и две сажени в длину – покрытый румяной корочкой, целиком запеченный осетр.

Гости ахнули в восхищении, а мальчишки-подворники донесли князь-рыбу во главу стола и торжественно там водрузили – аккурат напротив стола опричного. После малой заминки – дабы не сбить у бояр первое впечатление – еще четверо слуг внесли блюда с большущими белыми лебедями с изящно выгнутыми шеями и высоко вскинутыми крыльями. Птицы сидели среди листьев салата и сельдерея, среди вырезанных из яичных белков и желтой репы ярких бутонов – словно бы среди озерной травы, лилий и кувшинок. И по трапезной снова прокатился общий возглас восхищения...

Великая княгиня довольно улыбнулась – свои два рубля награды Пелагея явно заслужила.

– За хозяйку, за хозяйку выпить надобно! – сообразил кто-то на правой стороне стола. – За прекрасную и мудрую великую княгиню нашу, Софью свет Витовтовну!

– Любо великой княгине! Слава Софье Витовтовне! – отозвались сразу многие голоса, однако приветствия оказались все же столь жидкими, особенно на фоне оглушительной здравицы в честь звенигородского князя, что московская правительница рывком поднялась.

Бояре осеклись, в трапезной повисла тревожная тишина.

Великая княгиня взяла кубок, подняла его на уровень глаз, внимательно посмотрела на самоцветы и покачала головой:

– Сие излишне, бояре. Совсем излишне. Пир ныне победный, и потому пить надобно не за женщин, а за воинов, за спинами каковых все мы находимся в безопасности. Благодаря вам, вашим мечам и службе вашей! И пуще всего прочего благодаря мудрости и отваге братьев Дмитриевичей, славных потомков великого князя Дмитрия Ивановича, поднявших величие нашей Святой Руси на небывалую высоту! Так выпьем за отца лучших князей наших, за великого князя Дмитрия Московского!

Великая княгиня быстро и решительно осушила кубок и опустила его на стол, перевернув ножкой вверх.

– За Дмитрия! За Дмитрия Ивановича! – этот тост пришелся гостям куда более по вкусу. – За отца князей наших!

Бояре вновь зачерпнули крепкого хмельного меда, бодро выпили – а иные и по паре раз, после чего потянулись к новому угощению.

Софья Витовтовна снова окинула пиршественную палату хозяйским взглядом и слегка склонила голову:

– На сем покидаю вас, бояре, – негромко сказала она. – На мужской попойке женщинам делать нечего. Хорошо тебе повеселиться, мой высокочтимый супруг.

Она зашла за великокняжеское кресло, наклонилась, поцеловав мужа в щеку, и еле слышно шепнула:

– Теперь ты все понял, Васенька?

Государь вздохнул. Да, это было правдой: за много, много лет литовская княжна так и не стала в Москве своей! Разница между любовью людей к Юрию и отторжением ими Софьи

сегодня выглядела столь ярко... что обида, зависть, ревность знатной правительницы к славе непобедимого воеводы вполне оправдывали отчуждение его супруги и брата.

Хорошо хоть, до открытой вражды меж ними дело не дошло!

Василий Дмитриевич поднял кубок, заботливо наполненный отроком в белой атласной рубашке, немного отпил, взял деревянную палочку с запеченными на ней заячьими почками, скусил один за другим три кусочка, снова поднял кубок и протянул его к брату:

– Софья права. Давай выпьем за отца. И да будет его небесная жизнь столь же доблестной, как и жизнь земная!

– За отца! – согласился князь Звенигородский. – Он воспитал из тебя великого правителя, а из меня, говорят, неплохого воеводу.

– Еще сколь «неплохого»! – рассмеялся правитель, и кубки братьев соприкоснулись краями.

* * *

Василий Боровский буквально горел от ярости и обиды одновременно.

Он шел на смерть! Его топтали татары! Его тело все еще болело от множества ушибов и ссадин, его покрывали синяки и кровоподтеки! Но этим самым страданием он заслужил право с честью въехать в Москву в рядах победителей! Во главе боровской дружины, под родовыми вымпелами!

Он проливал кровь, он победил, он вел за собой ратные сотни! И после всего этого какие-то жалкие рабы не пускают его за пиршественный стол, указывая на низ стола, на самые позорные места возле входных дверей!

Очень может статься, дело закончилось бы плохо и он бы просто прибил кого-то из сих жалких наглецов – кабы за него не вступился Юрий Дмитриевич и не похвалил перед самим великим князем! А дальше...

Дальше рассказ восхитил супругу государя – и она возжелала себе столь храброго охранника! Так что все закончилось даже лучше, чем Василий надеялся: вместо достойного места за столом он получил место возле самой государыни!

Куда уж можно забраться выше?

Новик спешил по кремлевским улицам, но даже сквозь его радость все равно раз за разом всплывала обида.

Как же это получается: это его нанизывали татарские пики, это его топтали татарские кони – и именно ему отказали от места за великокняжеским столом! Старикам, не видевшим поля брани, – места нашлись. А для него – нет!

– Но воевода Юрий Дмитриевич молодец, боярин достойный, – с благодарностью вспомнил юный воин. – Заступился, похвалил, возвеличил. Сию милость я ему запомню и обязательно добрым делом отплачу!

Эта теплая мысль несколько пригасила недобрые воспоминания. Гнев отступил, сменившись приятными хлопотами: ведь Василий Боровский теперь стал личным охранником самой великой княгини!

Подворье князя Владимира Храброго находилось от великокняжеского дворца через два проулка: обнесенный тыном двор размером примерно сто на сто сажень, на нем бревенчатые хоромы в четыре жилья, построенные без особых изысков: просто подклеть, ровные стены в четыре яруса да крыша из пропитанного дегтем липового теса.

Полвека назад сие был, вестимо, роскошный дворец и обширное хозяйство! Но будучи поделенным на семь сыновей...

Каждому из князей досталось по опочивальне с горницей на третьем жилье – а все остальное считалось общим. Ибо иначе Владимировичи здесь просто бы не поместились. При общем

приезде всех семей сыновьям даже приходилось спать в опочивальнях вместе с родителями – иначе никак не помещались.

По счастью, братья хотя бы дружными выросли и из-за сего не ссорились – в тесноте, да не в обиде. Однако всем своим родом старались в столице не собираться.

Вот и сейчас – кроме юного Василия Ярославовича из княжеской семьи здесь не имелось никого. Однако по двору было не протолкнуться из-за сотен ратных коней, а по дому – из-за множества холопов и боярских детей, расположившихся во всех свободных уголках, пьющих пиво и хмельной мед, закусывая вяленным мясом, пирогами и рубленой капустой, веселясь и отдыхая.

Имели полное право – они тоже вернулись с победой, и они тоже праздновали!

Поняв, что самостоятельно найти здесь хоть что-то он не сможет, княжич громко закричал:

– Где приказчик?! Приказчика ко мне! – и отправился в отцовские покои. Сиречь – в горницу и опочивальню князя Ярослава. Здесь он стал раздеваться, горько жалея о том, что верный дядька остался лежать на бранном поле возле Рязани. Советы старого воспитателя ему бы сейчас оченьгодились.

– Звал, княже? – неожиданно показался в дверях низкий мужичок лет сорока с растрепанной седой бородкой, в серых суконных шароварах, овчинной душегрейке на голое тело и с качающимися на шее тремя костяными амулетами на желтой цепочке. Вид у мужичка был измученный, что вполне понятно. Когда к тебе на постой внезапно вываливается три сотни гостей – поневоле замаешься.

– Где отцовские холопы остановились? – спросил Василий. – Найди и скажи, я велел снарядить ко мне шестерых самых лучших воинов! Немедля! Ступай, а я пока оденусь...

Он открыл сундук, выбрал войлочный отцовский поддоспешник – самый толстый! Накинул себе на плечи, нащупывая крючки на боку. Расправил, застегнул, полез за кольчугой. После того как она с железным шелестом легла на тело, опоясался саблей, взял в руки шлем.

Тут как раз подошли и холопы, тоже в куяках и колонтарях – плечистые, густобородые, пахнущие брагой и копченой рыбой. Но к сожалению – ни одного из них Василий не знал. Видимо, они были не из Серпухова, а из какой-то усадьбы.

– Звал, княже?! – хрипло спросил крупный пожилой воин со сломанным носом. – Так мы здесь! Чего надобно?

И он внушительно взвесил в руке длинный боевой топорик.

– Служба у нас, – как мог солиднее ответил новик. – Пошли за мной!

Все вместе ратники поспешили в великокняжеский дворец, но еще за улицу до него дорогу им заступила стража из боярских детей, одетых в ферязи и плащи, а один и в зипун, опоясанных саблями. Они были без брони, и всего втроем, однако вели себя надменно, смотрели свысока.

– Куда это вы такие собрались, добры молодцы? – насмешливо поинтересовался поджарый боярин лет тридцати, с короткой бородкой клинышком и приметным рваным шрамом на щеке. – Нечто в Москве война?

– Я есмь княжич Василий Боровский! – гордо развернул плечи новик. – Новый телохранитель великой княгини!

– Да хоть бы и самого Василия Дмитриевича! – невозмутимо хмыкнул боярин. – По Москве оружным гулять нельзя!

– Мы не гуляем, мы на службе!

– Мы тоже на службе. Но в броне и оружным в Москву нельзя! Чай, ныне не война. Вы бы еще на лошадей взгромоздились да щиты с луками прихватили!

– Приказ великой княгини! – отрезал юный воин.

Караульные переглянулись.

– Может, баловство какое на пиру затевают? – неуверенно предположил один из стражников.

Боярин со шрамом почесал шею, потом решил:

– Ладно, проходите. Но токмо не к парадному крыльцу, а сзади. Сюда налево по улице, там ворота будут между подклетьями. В них войдете, а дальше крыльцо.

– Идти через двери для дворни?! – возмутился княжич.

– А ты что, отрок, шестопером по голове получить торопишься? – доброжелательно поинтересовался третий караульный. – Это мы такие добрые, что разговоры разговариваем. Рынды же сперва повяжут, а уж потом спрашивать начнут.

Сему предупреждению Василий внял, свернул к «черным» дверям, но и там на крыльце уткнулся в стражу из нескольких крепких холопов в поддоспешниках. И да – у троих из десятка вместо сабель болтались на поясах палицы с железным навершием.

– Куда?! – решительно заступили они дорогу.

– Я княжич Василий Боровский, сегодня поставлен телохранителем Софьи Витовтовны, – уже не так гордо поведал новик. – Она ждет меня с людьми на пиру.

– Обожди! – и старший караула кивнул одному из бородачей: – Сходи, узнай.

Холоп ушел во дворец и исчез больше чем на полчаса. Однако вернулся он с вестями, сразу от дверей спросив:

– Так ты и есть тот самый отрок, коего воевода перед государем хвалил? Который един супротив всей татарской армии кинулся? Стряпчие сказывают, запомнился.

– Да, я! – Новик сделал было шаг вперед, но холоп загородил двери:

– А великой княгини на пиру нет. К себе удалилась.

– Но мне приказано явиться!

– На женскую половину мужчинам хода нет!

– Но мне приказано! – сорвался на крик Василий.

– Шершень, отведи его к дверям, и пусть дальше тамошние рынды голову ломают, – зевнул стоящий дальше всех ратник в войлочном поддоспешнике с шитьем на груди. – Коли про службу правду сказывает, то все прочее не наше дело. Видно же, что не тать.

* * *

Софья Витовтовна тем временем вернулась в свои покои, села в кресло перед слюдяным окном. Откинулась на спинку, положила руки на подлокотники и с наслаждением вытянулась, опустив веки. Ее тело наполняло блаженство. Память от недавнего наслаждения, от драгоценных ласк, полученных после столь долгой разлуки, от предвкушения новой сладкой близости.

Но самым приятным стало то, что никто в горнице не догадывался о ее грезах и не видел купания великой княгини в запретных мыслях и желаниях. Для всей свиты их госпожа просто отдыхала.

«Ах да, свита...» – спохватилась Софья Витовтовна и подняла веки:

– День был долгим, боярыни. Я устала. Переоденьте меня ко сну.

Свита засуетилась, помогла госпоже встать. Женщины стали снимать с великой княгини дорогие наряды и украшения, оставив токмо в одной шелковой исподней рубашке.

И тут в двери постучали. Внутрь вошла дворовая девка, торопливо поклонилась:

– Прости, великая княгиня, за беспокойство! Рынды у женской половины сказывают, отрок какой-то к тебе рвется. К бою весь снаряженный, и на волю твою ссылается.

– Да что же это такое?! – с явным облегчением вздохнула правительница. – Ступай, скажи, я сейчас выйду. – И она обратилась к боярыням: – Бежевый домашний сарафан подайте. Любимый.

Появление мальчишки пришлось очень даже кстати. Оно стало хорошим поводом одеться для прогулки сейчас, а не придумывать какого-нибудь повода ближе к вечеру.

Вскоре тело московской правительницы облегло платье из мягкого нежного бархата, тонкостью своей похожее на огромную кротовую шкурку. Юбка – от бедер, чуть ниже талии, грудь приподнимал корсет из тонких белых ребрышек, шею и запястья обнимал соболий мех. В остальном же одеяние полностью повторяло все изгибы женского тела.

Украшений княгиня надевать не стала. Только две жемчужные нити на шею и черепаховый кокошник с тремя изумрудами.

В таком виде она и вышла из дверей женской половины дворца.

– Великая княгиня! – княжич Василий преклонил колено, опустил голову.

Голову в остроконечном шлеме, с длинной бармицей, ниспадающей на кольчугу с вплетенными в нее пластинами.

Чуть поодаль склонились в низком поклоне еще шестеро воинов в колонтарях.

– Встань, отрок. – Софья Витовтовна вздохнула, поманила княжича за собой, отвела в сторону и принялась тихо отчитывать: – Ты собрался во дворец на войну, новик? Ты много видел в хоромашах людей в доспехах? Здесь, понятно, все хотят друг друга убить, но на мечашах никто и ни с кем не сражается! Здесь никто не ходит с оружием, кроме стражи, и потому она всегда в силах навести порядок. Это великокняжеский дворец, а не походный лагерь, княжич!

– Прости... Княгиня... – понурился юный воин, и женщине показалось, что мальчик сейчас заплачет. Сердце правительницы кольнуло материнской жалостью.

– Запомни, мой мальчик, – правительница положила руку ему на плечо. – В великокняжеском дворце все должно выглядеть красиво и богато. Старшие в нарядах стражи носят здесь ферязи. Дорогие, вышитые золотом. Таковые, в какой ты явился на пир. И даже если во дворцовых коридорах начинает пахнуть войной, кольчуги поддевают под ферязи, а не напяливают сверху. Здесь токмо холопам худородным допустимо носить на службе поддоспешник. Но и он должен выглядеть нарядно, быть опрятным, крытым хорошей тканью либо красивой вышивкой. Однако лучше, коли и простые ратники получают одежду достойную. Пусть даже и старую, с твоего плеча. И пусть лучше с тобою будет трое слуг, но смотрящихся, как бояре, нежели шестеро, но в войлоке и стеганках. Мы не на войне. Здесь важно не число ратников и прочность брони, а вкус хозяина и его кошелек. От армии тебе отбиваться не понадобится. Самое большее – так это вдруг смутьянов нескольких приструнить. Безоружных. Однако в первую голову стража нужна вовсе не для схваток! Она надобна для того, чтобы у глупцов не возникало желания с нею драться. Выглядеть грозно здесь куда важнее, нежели уметь владеть мечом. Ты все понял, княжич Василий?

– Да, княгиня, – сглотнул отрок.

– И перестань постоянно падать на колено! – Софья Витовтовна подняла руку выше, потрепала юнца по розовой бархатистой щеке. – Ты мой охранник, а не истопник. Ты должен быть готов меня защищать, опасность выглядывать, а ты все время землю взглядом сверлишь!

– Да, княгиня...

– Ты меня слышал?!

Мальчишка спохватился и вскинул голову. Вскочил, стрельнул взглядом вправо и влево, положил руку на рукоять сабли.

– Молодец! Ступай, переоденься, – усмехнулась Софья Витовтовна и снова провела пальцами по его щеке. И томным голосом распорядилась: – Опосля явишься в мои покои...

– Да, княгиня, – все же поклонился Василий Ярославович и побежал к холопам.

Московская правительница дошла до дверей, рассеянно скользнула взглядом по карульникам и распорядилась:

– Когда новик вернется, пропустите его ко мне.

– На женскую половину? – низким басом переспросил низкорослый и плечистый, густобородый стражник. На нем красовалась толстая парчовая ферязь, надетая поверх синей атласной рубашки, и три золотые цепи на шее. – Великий князь прогневается!

– Это же ребенок, бояре! – покачала головой правительница. – Вот когда усы у него пробиваться начнут, тогда и беспокойтесь. А пока... Как его только отец в поход с собою решился взять, ума не приложу?!

– Дык меня тоже в четырнадцать первый раз повели, – басовито признался караульный. – Самое время, коли мясо на костяхросло! На домашнем дворе ратного дела не постичь.

– Ну-у, тогда ему для новой службы самое время, – сделала вывод Софья Витовтовна. – Мой супруг назначил сего княжича моим личным телохранителем. Вместо вас меня охранять станет.

– Это как?! – опешил бородач.

– Мясо на костяхросло. Самое время. – Великая княгиня рассмеялась, похлопала его по мохнатой щеке и вошла в запретную для мужчин дверь.

Вернувшись в кресло, московская правительница снова вытянулась, опустила веки и негромко проговорила.

– Оставьте меня. Я устала, желаю отдохнуть. До завтра все свободны.

– Тебе помочь раздеться, княгиня? – спросила княгиня Салтыкова.

– Пожалуй, нет, – с некоторой ленцой ответила великая княгиня. – Может статься, перед сном я схожу, пожелаю своему супругу спокойной ночи. И загляну в трапезную. Проверю, насколько умело ключница управляется с работой.

– Кого из свиты ты решила оставить при себе, Софья Витовтовна? – после малой заминки поинтересовалась княгиня.

– Охрану, – кратко ответила правительница. Чуть помолчала и добавила: – Не беспокойтесь, в своем дворце я не заблужусь. Но сейчас желаю остаться одна. Ступайте все!

* * *

Новик, заметно понурившийся после полученной выволочки, вернулся к холопам и кивнул:

– Пошли за мной!

– Что-то не так, княже? – забеспокоились воины. – Ты токмо скажи!

– Сеча отменяется, – кратко объяснил Василий Ярославович. – Но служба остается. Вот токмо сильные, храбрые и умелые больше не нужны. Нужны красивые.

– А чем мы не красавцы?! – весело загомонили слегка хмельные холопы, расставляя локти и делая грудь колесом.

– При дворце красота начинается с тряпья, – ответил княжич, уводя свое маленькое войско к «черному» крыльцу. – Даже и не знаю, найдется ли на нашем подворье потребное для сей службы снаряжение...

Вернувшись на подворье и поднявшись в свои покои, новик открыл сундуки, проверяя отцовские припасы. В столице были оставлены за ненадобностью не самые лучшие из вещей, но кое-что все-таки имелось. Старые плащи: сукно тощее, опушка простенькая – лисья, барсучья, беличья. Один даже соболий – но изрядно побит молью. Плащи, известное дело, намокают. Посему очень удобно запасной иметь, покуда уже поношенный сохнет. Ну и, понятное дело, заместо старых люди новые нередко шьют.

Поддоспешники... Эти тоже ветшают, рвутся, и запасные тоже хорошо иметь, дабы намокший от пота или дождя поменять. Посему оных в сундуках нашлось целых пять: пара войлочных, один из которых был покрыт выцветшей вышивкой из колядовых колец, два суконных, относительно свежих, один простеган ромбиками, а второй украшен вполне симпатич-

ными рубчиками. И еще один поддоспешник – бархатный! Сиречь: внутри был набит конским волосом и имел плотную простежку проволокой – но снаружи его покрывал синий пушистый бархат, да еще и с серебряной вышивкой на плечах в виде листьев. В таком и на пир не стыдно явиться, и удар размашистый он смягчит, и под броню надеть можно, коли нужда прижмет.

– Но лучше не нужно, – пробормотал новик, осматривая находку. – Железо сию ткань за пару часов в лохмотья раздерет. Однако доверенному холопу для дворцовой службы в самый раз!

Взяв два поддоспешника, юный воин отправился к своим ратникам и водрузил их там на стол, между бочонками с брагой и мисками с капустой и огурцами. Громко объявил:

– Значит, так, служивые! Кому сия броня придется по размеру, тот остается со мной в Москве. Кому не в пору... – он развел руками: – Не обессудьте.

Таким нехитрым способом Василию удалось отделить от боевых сотен семерых воинов разного возраста, но зато одной комплекции. Трех самых трезвых княжич сразу заставил переодеться, выдал им плащи, дабы разномастные поддоспешники не бросались в глаза, сам тоже нарядился в парадную ферязь – и уже в третий раз за сегодня направился в государевы хоромы, теперь уже ощущая себя достаточно уверенно.

Однако у крыльца его снова решительно остановили рынды – на сей раз уже пятеро; все как на подбор выше его на голову, с короткими бородками, в серых зипунах и с топориками за поясом:

– Ты куда собрался, служивый? – беззлобно поинтересовалась стража.

– Я есмь княжич Василий Боровский, сегодня поставлен телохранителем Софьи Витовны, – заученно отчеканил новик. – Великая княгиня меня ждет.

– Через боковое крыльцо заходите, – и один из караульных указал рукой: – За угол, там еще один будет, и далее еще шагов с полсотни.

– Но я знатный боярин, я внук Владимира Храброго! – возмутился юный воин. – Я всего три часа назад по сим ступеням на пир поднимался по княжескому приглашению! Почему вы меня не пропускаете?!

– Вот как снова пригласят, тогда тут и пройдешь, – невозмутимо ответил рында. – В шубе и без оружия. А куда ты с саблей, то, стало быть, служивый. А служивым вход через серое боковое крыльцо.

– Напридумают ерунды всякой... – буркнул княжич себе под нос и повернул в указанном направлении.

Он уже устал от всех этих странных правил, хождений и указаний. И даже радость от высокого назначения успела рассеяться в душе юного стражника. Он начал жалеть, что не уехал вместе с отцом.

* * *

Пир же продолжался своей чередой. После первых трех ковшей гости захмелели, развеселились. Голоса стали громче, у бояр быстро нашлись темы для разговоров, для новых тостов. За русские мечи, за величие Москвы, за новые походы и богатую добычу, за крепкие ладьи, полноводные реки и обильные урожаи. Поначалу тосты провозглашались шумно, с поклонами великому князю и общим одобрением. Но чем дальше, тем чаще увлеченные болтовней бояре начинали пить без особой помпы, только в своей компании.

За опричным столом тоже стало оживленнее. Осмелевшие после хмельного бояре подходили сюда выразить свое почтение и уважение, восхищение мастерством воеводы и мудростью правителя, поклясться в своей преданности... Но в первую очередь, понятно, все надеялись, пользуясь хорошим настроением князей, чего-нибудь себе выпросить. Желали, естественно, не наград, а службы. Ведь где служба – там и доход, там и слава, там и возвышение. Кто-то хва-

стался подросшим сыном и пытался пристроить его в свиту. В великокняжескую – для почета, либо в звенигородскую – ради ратного обучения. Кто-то тяготился скудостью своего надела и надеялся на воеводство, в крепостице какой али на службе порубежной. Кто-то просил рассудить споры с соседями.

Такова уж судьба правителя – державные хлопоты не знают отдыха и находят князей среди любого веселья.

Василий Дмитриевич приветливо кивал всем и обещал поразмыслить, Юрий Дмитриевич – согласился взять трех отроков, не попавших в московскую роспись. В его свите свободные места возникали довольно часто...

Впрочем, просителей оказалось не так уж много – большинство бояр пришли на пир веселиться, а не ради возможности приблизиться к великому князю. И к тому часу, когда холопы принялись зажигать свечи на люстрах и настенных подсвечниках – поток к опричному столу наконец-то иссяк. Дворня стала менять на столе опустевшие блюда на полные, слуги унесли изрядно обглоданных лебедей и наполовину съеденного осетра, а также изрядно вычерпанные бочонки с хмельным медом.

В пляшущем огненном свете новые подносы стали выносить девицы в вышитых сарафанах, и хмельные гости заметно оживились, захмыкали, их руки невольно потянулись к пышным юбкам... Но покамест к ним не прикоснулись. Бояре все еще держали себя в руках.

Однако слуги уже выносили к столам полные бочонки с медом взамен опустевшим.

Василий Дмитриевич, осушив еще один кубок, тяжело вздохнул, положил руку на локоть своего брата:

– Ныне, пожалуй, я оставлю тебя с гостями. Недужен я стал последнее время, Юра. Кашляю, задыхаюсь, устаю быстро. Сплю в тревоге и никак не высыпаюсь. Многодневные пиры больше не для меня. Посему пойду, лягу. Ты же веселись, ваше дело молодое.

Великий князь поднялся, похлопал брата по плечу и покинул трапезную.

* * *

Софья Витовтовна проснулась от стука в дверь.

Оказывается, расслабившись в кресле, она задремала.

Сладко зевнув, женщина потянулась, встала. Во первую голову подошла к окну, выглянула наружу.

За слюдяными пластинками уже сгустились сумерки. Стало быть, великий князь, скорее всего, уже давно утонул в перинах – теплый, сытый и хмельной. Вестимо, желать ему сейчас спокойной ночи – токмо напрасно тревожить.

В дверь снова постучали, после чего там послышалось приглушенное бурчание.

– Да кто еще там бухтит?! – громко спросила правительница. – Входите уже!

Дверь приоткрылась, в горницу скользнула заспанная дворовая девка в посконном сарафане – щекастая, плечистая, с толстой русой косой, выпадающей на плечо из-под ситцевого набивного платка. Поклонилась:

– Там к тебе отрок какой-то скребся, Софья Витовтовна. Я сказываю, почиваешь ты. Ан он не уходит, топчется...

– Давай его сюда! И лампы запали, а то не узнаю, – распорядилась великая княгиня.

Девка толкнула дверь, впуская позднего гостя, убежала.

– По воле твоей, княгиня, я пришел... – плохо различимый в сумерках новик замялся.

– Молодец, – отозвалась Софья Витовтовна. Помолчала, потом вдруг спросила: – А где твой отец, Василий?

– Батюшка обоз в Серпухов повел, – отозвался мальчик. – Меня же в Москву с Юрием Дмитриевичем отпустил, победным строем по столице пройти, с бунчуками нашими и щитами.

– Я так и думала... – задумчиво кивнула великая княгиня.

Похоже, князь Ярослав Боровский решил порадовать сына, позволив тому покрасоваться в победном строю и показать народу родовые вымпелы. Но про победный пир не вспомнил. Иначе либо предупредил бы княжича о положенных по родовитости местах, либо просто отсоветовал бы на торжестве показываться. И не случилось бы тогда никакого скандала...

Тут вернулась девка с горящим огарком, быстро запалила три фитиля масляного светильника у зеркала, потом с другой стороны. Широкие языки пламени осветили паренька в узкой куньей шапке и в длинной ферязи, с саблей в ножнах с резными костяными накладками. Пояс был простой, кожаный. Зато рукояти ножей – с эмалевыми рукоятями и поясная сумка с прошивкой серебряной проволокой по стыкам кожи.

– Совсем другое дело, – одобрила княгиня. – Холопы где?

– Стража на женскую половину не пропустила.

– Но они тоже опрятные?

– Да, княгиня! – горячо заверил новик.

– Это хорошо-о... – напевно произнесла женщина. – Ну, раз уж у меня такая славная стража образовалась, надо пойти прогуляться. Воздухом подышать. Не пропадать же зазря стараниям этих храбрецов? Подай мне охабень... Вон тот, на сундуке лежит слева от двери, теплый. Пойдем посмотрим, какова собою ночная Москва...

Доброжелательность государыни приободрила юного воина, вернула бодрость. Он аккуратно опустил дорогую одежду на плечи женщины, опасаясь оскорбить ее своим прикосновением, тут же отступил, распрямился, положив ладонь на рукоять сабли.

– Прекрасно... – подойдя к зеркалу, оценила себя московская правительница и стремительно развернулась: – Пойдем!

Ведя за собою храброго мальчика, княгиня прошла темными коридорами, у дверей на женскую половину позволила пристроиться сзади трем холопам, закутанным в добротные суконные плащи.

Двигаясь дальше и дальше, Софья Витовтовна улыбнулась. Даже не оглядываясь, она ощутила, как рынды остались на своем месте. Ибо зачем лишние телохранители той, у кого уже есть назначенная великим князем охрана?

Московская правительница вышла на боковое крыльцо, освещенное сразу четырьмя громко потрескивающими факелами, глубоко вздохнула:

– Однако подмораживает! Зима...

Княгиня медленно спустилась по ступеням, прошла по выстилающим подступы к дворцу дубовым плашкам к Успенскому собору, обогнула его кругом, постояла на краю холма, выйдя над крепостной стеной, и даже над ее башнями, повернула в темноту к следующему светлому пятну – к Фроловской башне. Неспешно прогулялась почти до самых створок, закрытых изнутри. Оглянулась на новика:

– Приятно подышать ночным воздухом, новик, правда? Сон после этого куда как крепче бывает.

– Да, Софья Витовтовна, – вежливо согласился княжич.

– Тебе не понять, мой мальчик, – усмехнулась женщина. – В твоём возрасте бессонницы не бывает.

– Да, Софья Витовтовна, – после короткого колебания ответил ее новый охранник.

– Молодец, мой мальчик, – одобрила правительница. – Из тебя получается отличный собеседник!

– Да, Софья Витовтовна, – послушно согласился новик.

Княгиня звонко засмеялась, пошла дальше. Возле башни развернулась, подняла глаза на недостроенный храм и вдруг сказала:

– Знаю, мой мальчик, что мне надобно, дабы крепко уснуть. Надобно успокоить душу молитвой. Подожди с холопами здесь. Мне хватит пары часов.

Княжич Боровский несколько удивился столь долгому сроку – ему обычно хватало нескольких минут, даже вместе с исповедью. Но возразить супруге великого князя он не посмел и вместе со своими воинам занял пост возле церковных дверей: повернувшись к ним спиной, широко расставив ноги, развернув плечи и опустив обе ладони на рукоять сабли.

* * *

Юрий Дмитриевич медленно, по маленькому глоточку, осушил свой кубок, закусил двумя кусочками заливного судака. Потянулся, встал. Окинул взглядом зал, в котором за длинными столами бояре где-то обнимались, где-то хмуро пили в одиночку, где-то смеялись, где-то пытались усадить себе на колени веселых вертлявых служанок.

Воевода усмехнулся, чему-то кивнул и быстро вышел из трапезной.

Путь до Вознесенского храма занял у знатного гостя не больше четверти часа. Немного похаживая возле поленницы и убедившись, что за ним никто не наблюдает, князь свернул к часовне, толкнул створку, окунувшись в густой горько-пряный аромат, задвинул за собой засов, поднялся на второй этаж и упал в мягкое сено, не способное уколоть тела сквозь толстый плащ.

Расстегнув заклепку на груди и позволив ткани растечься с плеч в стороны, Юрий Дмитриевич раскинул руки и закрыл глаза, предаваясь сладким мечтаниям. Хмельной мед и обильное угощение сыграли с воеводой злую шутку – незаметно для себя он провалился в дремоту... Из которой его вывело теплое ласковое прикосновение к губам.

– Софья! – Князь порывисто обнял позднюю гостью, привлек, стал жадно целовать почти невидимое в сумраке лицо.

Женщина, слабо смеясь, попустила воеводе выплеснуть свои первые эмоции, после чего положила ладонь на грудь и толкнула в сено:

– Сегодня можно никуда не спешить, любимый мой. Сегодня вся дворня занята тем, что оставшиеся с пиршественного стола вкусности доедает да драгоценный мед, гостями недочерпанный, пьет. По сторонам, будь уверен, никто не смотрит и меня не хватится. Свиту же я распустила, так что служанки мои тоже к трапезной потянулись. Поглазеть, как веселье идет, кто приглашен, кого нет, кто кого выше посажен. Они даром что княгини знатные, а все едино бабами любопытными остаются. В страже моей ныне отрок тобою расхваленный пребывает. Он такой забавный... Велела перед храмом ждать, княжич там и остался. По пятам, как княжеские рынды, не бродит. Порядков здешних не знает, ничего не заподозрит. А коли и заподозрит, то никому не проболтается, ибо никого не знает. Так что сегодня можем хоть до рассвета без опаски миловаться. Не заметят...

Княгиня поднесла руки к своему горлу – и словно бы сам собой сполз на сено соболий охабень. Затем потянула кончики завязок на плечах – и бархатный сарафан тоже с шелестом осел вниз. Софья Витовтовна поднялась во весь рост, развязала ворот рубашки, уронила и ее к своим ногам, оставшись совершенно обнаженной. Слабый свет принесенной ею масляной лампы розоватыми пляшущими отблесками осветил широкие бедра, резко сужающиеся вверх и вниз, чуть выпирающий животик и весьма крупную грудь, покатые гладкие плечи. Даже сейчас она оставалась правительницей: с гордо вскинутым подбородком, прямой спиной, уверенной осанкой.

– О, великая Купава! Как же ты, Софьюшка, красива! – прошептал князь. – Иди же, иди ко мне!

Великая княгиня послушалась, и воевода стал осторожно целовать ее плечи, шею, ее руки, живот, бедра, наслаждаясь редкостной возможностью и заставляя любимую тяжело

дышать от сладкой ласки. Бедра, колени, ступни – и снова обратно, через голень и бедра, через бока и ко вскинутым над головой рукам.

– Мой ненаглядный... Мой желанный... Мой витязь... Мой любимый... – погружаясь в сладкий омут наслаждения, прошептала женщина. – Иди же ко мне, Юрочка, иди скорее, я так по тебе истомилась! Ну же, скорее!

Князь Звенигородский торопливо содрал с себя многие свои одежды – и обнаженные тела наконец-то соприкоснулись, возрождая пламя нестерпимо жаркой любви, стирая любящим рассудок, изгоняя из их разума все мысли и оставляя лишь одно страстное желание – одно на двоих...

И был вихрь сладострастия, и был вулкан наслаждения, и была сладкая усталость в объятиях друг друга, были новые нежные поцелуи...

– Обожди... – внезапно спохватилась женщина и потянулась к своему поясу, открыла сумку, вытянула из нее за золотую цепочку костяной диск в два пальца шириной. – Вот, возьми. Оберег богини змей и Николая Чудотворца. Для дарования красоты на семи полнолуниях выдержан, для защиты от чародейства в проточной воде вымочен, для спасения от ран на сырой земле заговорен, от нутряных немощей на рассветные лучи нашептан¹⁰. Он станет спасать тебя и защищать в дальних походах от всех напастей.

Софья Витовтовна расправила цепочку и сама надела амулет на шею воеводы.

– Спасибо, любовь моя, – мужчина накрыл подарок ладонью. – Прости, сейчас мне нечем отдариться.

– Да ты шутишь, мой родной! – Софья с улыбкой взяла его лицо в ладони. – Нечто забыл, как отдал мне пояс ордынского хана? И преподнес победу над всей его армией! Это мне надобно извиняться, что за великие твои подвиги лишь такими мелочами ответить могу...

– Ты сделала больше, моя ненаглядная, – покачал головой князь. – Ты сотворила чудо. Ты родила нашего сына!

– Тс-с! – Женщина положила палец ему на губы. – Не стоит лишний раз об этом болтать. Не дай бог, кто-нибудь услышит.

– Здесь?! Кто-о?

– Все равно не стоит, – шепнула Софья. – Коли станем лишний раз болтать об этом наедине, можем по привычке проговориться и прилюдно.

– Когда? Прилюдно ты шарахаешься от меня, ровно от чумного!

– Зато здесь я твоя! – поцеловала его княгиня. – Вся твоя, целиком и полностью! Все, что только пожелаешь, мой ненаглядный повелитель!

– Да... Да... – Губы князя коснулись ее глаз, бровей, кончика носа. Но неожиданно замерли. – Все-таки, Софья, мне бы хотелось увидеться с сыном.

– Разве тебе сие хоть кто-то запрещает, мой милый? – удивилась женщина. – Поступи как всегда, объяви охоту и пригласи брата. Тот, разумеется, возьмет Василия с собой. И можешь любоваться нашим мальчиком сколько пожелаешь! Даже подарки можешь ему делать и играть с ним совершенно спокойно. Ты ведь считаешься его дядей!

– Какая охота, любовь моя? – покачал головой князь. – Распутица на дворе! Тракт, и тот весь мокрый и расползается, дружина насилу прошла. А в сторону хоть на шаг свернешь, сразу грязи по колено.

– Подожди зимы, – легко предложила Софья.

– Не могу, лебедушка моя ненаглядная. Я не появлялся в своем уделе больше полугода, еще с апреля. Я ведь все-таки князь, надобно править! Иначе, сама понимаешь, слуги без надзора надлежащего очень быстро лениться начинают, от дела своего лытать, праздности преда-

¹⁰ Змеевик русский классический: с одной стороны изображение змееной богини Табиты, с другой – одного из христианских святых. В археологии подобные змеевики составляют 80 % находок среди религиозной атрибутики.

ваться, а то и приворовывать. Посему с первыми морозами, едва токмо дороги встанут, мне надобно будет не охоты затевать, а в Галич к себе отправляться.

– Это верно, – согласилась женщина, запустив пальцы в волосы любимого. – Коли ты задержишься в Москве при таковой насущной надобности, это вызовет вопросы и подозрения.

– Ты преувеличиваешь, Софья, – не выдержал Юрий Звенигородский. – Уж моя задержка с отъездом наших с тобой отношений точно не выдаст! Мало ли какие хлопоты у людей случаются?

– Но лучше не рисковать, мой ясный сокол, – княгиня погладила любимого по щеке. – Я придумаю, как ты сможешь встретиться с Васей безо всех подобных опасностей.

– Знаю, моя ладушка, знаю, – улыбнулся мужчина. – Мудрее тебя на сем свете еще никто не рождался.

Его ладонь снова скользнула по горячему бархатистому бедру женщины. Софья Витовтовна понимающе улыбнулась, наклонилась к губам князя – и двух любящих людей снова закурило сладким пламенем желания.

Князь и княгиня решили расстаться только поздней ночью. Да и то не по своей воле. Просто в лампадке закончилось масло, огонек начал прыгать и чадить. А остаться без света на сеновале без единого окна, тем более ночью – сложно даже для тех, кому и смотреть вроде бы совершенно не на что. Даже тем, кто и без того каждый вершок тела друг друга знает наизусть.

В последних отблесках света любящие оделись, спустились вниз. Юрий Дмитриевич на ощупь нашел засов на двери, отодвинул, толкнул створку, надеясь впустить хоть немного звездного света. Но, увы, небо закрыли тучи, и снаружи колокольни было чуть ли не темнее, нежели внутри.

– До завтра... – услышал он слабый шепот, ощутил легкий поцелуй в шею и слабый толчок между лопаток. Сделал шаг вперед и услышал, как позади стукнул засов.

Софья Витовтовна повела плечами, потрясла лампой – что особой яркости огоньку не добавило, прошла в часовню и далее, в залу. Затем шагнула из дверей на улицу и громко зевнула, потянулась:

– Кажется, я задремала в молитвах. Надобно скорее в постель!

– Мы здесь, княгиня! – поспешно выбежал к ступеням крыльца новик. – Не беспокойся, здесь все было тихо!

С малым запозданием к хозяину подтянулись холопы в добротных стеганых поддоспешниках. Одежда не богатая – но опрятная, ратным людям к лицу. Боровские бородачи выглядели людьми бывалыми, невозмутимыми. И службу перед храмом, в отличие от княжича, наверняка прокемарили в укромных уголках, укрывшись плащами – каковые сейчас поспешно набрасывали на плечи.

– Я провожу! – с легким поклоном заверил женщину княжич.

Холопы молча переглянулись. Самый плечистый, скользнув пальцами вдоль ремня, медленно направился вперед по тележной колее, осторожно прощупывая дорогу ногой. Его могучая спина даже в темноте различалась вполне достаточно, чтобы Софья Витовтовна уверенно шла в паре шагов позади. Княжич и остальные стражники шли уже за ней.

Вскорости впереди открылось крыльцо, ярко освещенное факелами, дорога стала хорошо различима, и княгиня ускорила шаг, обогнав слугу. Войдя в двери бокового крыльца, она повернула налево, к пиршественной палате. Добравшись, встала у дверей, заглянула внутрь.

Веселье длилось обычным порядком. Кто-то пил, кто-то смеялся, кто-то отдыхал. Но как раз сейчас наступило затишье – то самое время, когда отдыхающих стало сильно больше, нежели бодрствующих. Бояре спали на лавках у стен, спали на лавках прямо около стола. Иных сон сморил явно неожиданно – они валялись с видом убитых где попало. Другие, почуяв близкую победу дремоты, отошли от стола, выбрали удобное место, укрылись плащами или ферязями, подсунули шапки под голову вместо подушки.

– Не беспокойся, великая госпожа, третью смену бочонков гости еще не допили, блюда тоже не опустели... – У подбежавшей Пелагеи вид был всклокоченный и помятый, одна щека красная, другая белая, платок сбился на затылок, великоватое платье сидело наискось. Похоже, она успела где-то прикорнуть, но тут ей донесли, что пришла хозяйка с проверкой. Вот и вскочила, торопливо отчитываясь: – Стряпухи ныне свинину копченую с капустой квашеной в горшках тушат, утром на столы подадим, да медвежатину соленую, да плюс к тому яблочную бражку. После хмельного вечера сие угощение лучше любого прочего взбодрит. А опосля, к полудню, снова мед хмельной, да заливное, да студень говяжий. Для красоты мыслю кабанчиков на блюде. Большого во главу, да малые на крылья. А на опричный стол, знамо, вино и буженина...

– Я довольна... – лаконично прервала ее великая княгиня. – Предупреди слуг, чтобы при нужде искали тебя в моих покоях.

– Да, великая госпожа! – склонила голову служанка, отступила, поманила рукой мальчишек в белых атласных рубахах.

Софья же снова заглянула в трапезную.

Там за опричный стол вернулся князь Звенигородский. Скинул свой малиновый плащ на спинку кресла, уселся, огладил темную бороду. Слуга поспешно наполнил из кувшина его кубок. Юрий Дмитриевич выпил, наколот на нож несколько кусочков печеного мяса, прожевал, кинул в рот горсть кураги. Откинулся, слегка приопустившись в кресле, вытянул ноги и закрыл глаза.

Возвращения великого воеводы никто не заметил. Как, хотелось надеяться, – и его отлучки.

Это же пир! Каждому иногда надобно выйти, да не один раз. Дело обычное.

– Пойдем! – решительно развернулась Софья Витовтовна, чуть не бегом устремившись на женскую половину дворца. Перед дверьми указала рындам на боровских холопов: – Объясните служивым, бояре, где людская находится. Пусть отдохнут, завтра будут надобны. И тебе, отрок, придется пойти вместе с ними. Ибо сегодня в своих покоях я тебя уложить не смогу.

– Как прикажешь, княгиня! – поклонился княжич.

– Кстати, Пелагея, запомни хорошенько сего мальчика, – приказала ключнице московская правительница. – Волею супруга моего сей юный витязь отныне мой телохранитель. Буде стража понадобится, посылай за ним.

– Воля твоя, великая госпожа, – с трудом сдержала зевок служанка.

– Челюсть не вывихни, Пелагея. – Усталость ключницы не осталась незамеченной. – Ладно, пошли...

Поднявшись в свою опочивальню, Софья Витовтовна кивнула вскочившим с сундуков девкам-служанкам и распорядилась:

– Пелагея сегодня спит у меня в ногах. Пусть отдохнет достойно, дабы завтра носом на службе не клевала... – Развела в стороны руки и кратко приказала: – Раздеваться!

Дородные княгини Салтыкова и Уфимцева, снимая платье государыни, недовольно забурчали. Все же спать в ногах правительницы – великая честь, принадлежащая обычно постельничей или ее помощнице.

Боярская честь, не для худородной холопки!

Однако – супротив великокняжеской воли не поспоришь. Раз уж государыня молодой ключнице так благоволит, приходится смириться.

Софья Витовтовна слабо улыбнулась. Она знала, что теперь на вопрос, где была великая княгиня до середины ночи, – вся ее свита твердо ответит:

– За порядком на пиру следила, дабы все достойно и своим чередом шло! А опосля еще и ключницу в свою постель отдыхать положила! Рабыню – да на княжеское место! Стыдоба!

Уж такое событие ее дворян совершенно точно никогда не забудет!

Возможно, великая княгиня заботилась о сохранении своей и князя Звенигородского тайны слишком уж чрезмерно, «дуя на молоко» даже там, где никакой опасности не предвиделось и никаких подозрений не возникало. Однако, может статься, именно поэтому за многие и многие годы их страстной любви о запретной связи двух знатнейших людей державы в Москве так и не появилось никаких, даже самых отдаленных слухов...

12 ноября 1424 года

Москва

Зиму в столице ждали, зиму торопили, к зиме готовились.

И все-таки она наступила внезапно, обрушившись сразу крепким, ядреным морозом после теплого и влажного вечера со слабо морозящим дождиком. Утром же вышедшие из жарко протопленных изб горожане внезапно обнаружили лопнувшие бочки, без опаски оставленные с водой на ночь, ушаты с выдавленными доньшками, растрескавшиеся кувшины – и телеги с намертво вмерзшими в окаменевшую грязь колесами. Деревянная мостовая превратилась в каток, а заготовленный для ее посыпания песок – в прочный ледяной монолит.

И над всем этим безобразием величественно закружились белые рыхлые хлопья.

Ближе к полудню Юрий Дмитриевич, отмахнувшись от свиты, отправился на торг. Прошелся вдоль лотков с индийскими самоцветами, примерился к булатным саблям в лавке суздальских кузнецов, отмахнулся от зазывалы, попытавшегося заманить его к разложившим цветастые ковры купцам, остановился перед развешенными вологодскими платками из чистейшего и невесомого, как падающий снег, пуха.

Заметив богатого покупателя – не всякий москвич разгуливает в наборном поясе, в ферязи с драгоценным шитьем до самых колен да в собольей шапке с огромным яхонтом во лбу, – круглолицый купец с редкими глубокими морщинами вокруг глаз и на уголках губ сунул руку куда-то под прилавок и, вытянув ладонь вперед, показал князю маленькое серебряное колечко.

– Ну и что? – замедлил шаг Юрий Дмитриевич.

Колечко было простеньким, дешевка ценою в гривенник. Но вот многозначительный вид торговца князя заинтересовал.

Так же молча купец подхватил с прилавка большую расписную шаль, на которой распускались бутоны пурпурных роз и порхали бирюзовые бабочки, сунул уголок ткани в кольцо и быстрым легким движением продернул сквозь него.

– Но как?! – приоткрыл рот от изумления Юрий Дмитриевич.

Купец улыбнулся, снова продернул шаль через крохотное отверстие, развернул ткань и с поклоном протянул воеводе, кратко уточнив:

– Две гривны.

– Две гривны за платок?!

Купец опять показал ему колечко, продел уголок шали в отверстие, потянул... И ткань с легкостью проскользнула сквозь препятствие. После чего торговец извлек снизу махонькую лаковую шкатулку, положил в нее колечко, ловко свернул платок, опустил сверху, закрыл изящную упаковку и протянул покупателю, повторив еще раз:

– Две гривны.

Возможно, Юрий Дмитриевич еще поторговался бы или поразмыслил – но над городом вдруг прокатился зловещий гул тяжелого колокола, тут же сменившийся частым звонким перезвоном.

– Набат?! – с тревогой спросил купец.

– Христиане созывают к обедне, – успокоил его князь Звенигородский, расстегнул поясную сумку, достал бархатный кошель, распустил узел шнурка и высыпал содержимое на прилавок.

При виде золотых монет, украшенных арабской вязью, несущей имя хана Узбека¹¹, у торговца жадно сверкнули глаза. Он пошевелил пальцами, быстро-быстро пересчитал деньги, две дюжины сыпанул в ящик, остальные вернул в кошель и с почтением протянул покупателю.

Юрий Дмитриевич спрятал покупку и кошель в сумку, поспешил к Вознесенскому храму.

Знакомый путь – сперва к стройке, заваленной горами валунов и кучами глины, там за высокую поленницу и к заветной двери. А дальше: на второй ярус – и в жаркие объятия!

Запах полыни и прикосновение губ, холод легкого ветерка и жар чресл, уколы травинки и нежность поцелуев, шелест сена и частые выдохи – все смешалось воедино, закручивая князя и княгиню в нестерпимом сладострастии, превращая двоих в единое целое – чтобы потом раскидать взрывом невероятной нежности.

Едва только отдышавшись, женщина поспешила подняться:

– Прости, Юра, сегодня мне задерживаться нельзя. Свиту на крыльце оставила, могут беспокоиться. Я ведь отлучилась только узнать, подвезли ли кирпич? Да в часовню лишь на минуту заглянуть. Как бы не беспокоились, в церковь не пришли...

– Подожди! – приподнялся на колени князь, потянулся к поясу, достал шкатулку и протянул любимой: – Вот, прими от чистого сердца.

– Ты уезжаешь... – сразу поняла Софья Витовтовна.

– Мороз истребил распутицу и укрепил дорогу, – виновато вздохнул непобедимый воевода. – Пока доберусь до Ярославля, через Волгу уже накатают зимник. Ты же знаешь, мне надобно возвратиться в Галич! Ныне утром я приказал дворне собираться в путь.

– Так всегда... – грустно улыбнулась женщина. – Одна, две недели счастья, и потом долгие месяцы разлуки.

– Зато сколь сладки наши встречи, моя лебедушка!

– Сладки... – Княгиня вздохнула, затем стянула с пальца колечко, похожее на золотую змейку с рубиновым глазом. – Прими и ты от меня прощальный подарок. Носи его не снимая, и пусть каждый взгляд на этого маленького аспида напоминает тебе о моей любви.

Юрий Дмитриевич взял перстень, примерил к пальцам. Подарок налез токмо на мизинец, да и то с большим трудом.

– Чуть не забыла, – спохватилась Софья Витовтовна. – Перед Большим дворцом ныне заливают горку. К ночи отвердеет и завтра будет готова. Коли появишься там до обеда, застaneшь сына. Если оттепели не случится, теперь каждый день развлекаться там станет с прочими отроками. Иди сюда!

Великая княгиня обняла и крепко поцеловала в губы лучшего воеводу ойкумены. Крепко, но коротко – и тут же поспешила к лестнице, на ходу пряча шкатулку под край охабня.

– Да, моя любовь... – прошептал князь. Он поцеловал перстень, поднял с пола пояс, застегнулся, одернул ферязь и тоже побежал вниз по ступеням.

Последний раз они поцеловались в дверях. Затем Софья Витовтовна закрыла за своим любимым, ненаглядным, желанным тесовую створку, задвинула засов и прижалась лбом к холодной древесине.

Вот она и опять осталась одна... Ее любовь, ее нежность, ее сладострастное безумие завтра или послезавтра поднимется в седло – и снова их разделят многие и многие недели пути и долгие месяцы разлуки...

Однако предаться печали от души княгине не удалось – шкатулка предательски скользнула вдоль тела, и женщине пришлось спешно извернуться, чтобы ее подхватить.

¹¹ По неизвестной на сегодня причине князь Юрий Дмитриевич Звенигородский чеканил деньги под именем Узбек-хана.

Настроение, не став лучше, все равно изменилось. Софья Витовтовна вернулась к мирским мыслям и вспомнила, что ей надобно спешить. Оттолкнувшись от створки и удерживая подарок в руках, княгиня быстро прошла в часовню, через нее в храм и наружу. Протянула шкатулку поспешившему к ней Василию:

– Возьми, спрячь под плащ. Вернешь в моих покоях.

– Не беспокойся, княгиня, не пропадет ни единой монеты! – поклялся новик, засовывая ношу под мышку.

Софья Витовтовна не стала поправлять юного телохранителя. Пусть считает, что ему доверили казну.

Княжич оказался очень удобным стражником. Наивный, послушный и не вызывающий подозрений. Ведь все знали, откуда он появился и почему вместо великокняжеских рынд государю начал охранять боровский княжич со своими холопами.

Но теперь, когда Юрий Дмитриевич отъехал – нужды в подобном прикрытии у Софьи Витовтовны более не имелось. Мальчишку можно было отпускать.

– Твой отец еще не спохватился твоей пропажи, юный витязь? – спросила московская правительница, медленно шагая к крыльцу. – Ты ведь приехал в Москву всего лишь показаться в дружине победителей, но домой так и не вернулся!

– Как можно, княгиня?! – возмутился новик. – Я отписался ему в тот же день, как ты избрала меня старшим своей охраны!

– Надеюсь, он одобрил твой выбор и не призывает домой? – спросила женщина, хотя на самом деле была уверена в обратном.

Ведь княжеское место, пусть даже худородное – во главе полков или хотя бы кованых сотен! Командование несколькими холопами во дворцовом коридоре – таковое назначение явно не знатности для юного потомка Владимира Храброго.

– Отец еще не ответил, Софья Витовтовна, – с искренним сожалением признался княжич. – Вестимо, распутица. Морозы всего несколько дней как ударили. Как путь установится, так гонец и примчится. Но, полагаю, батюшка будет горд! Вестимо, меня выбрала в свою свиту сама великая княгиня!

В местнических счетах княжич пока что явно не разбирался...

Княгиня посмотрела на счастливое лицо гордого собой мальчишки – и решила его не разочаровывать. Храброму юноше приятно, а от нее не убудет. Тем паче что никакого прямого урона его чести пока что нет. Подчиняется он лично государыне, мимо прочей стражи. Под рукой имеет своих холопов. С прочими московскими родами старшинством или подчинениями никак не соприкасается. Так что пусть служит, пока отец не отзовет.

Вместе с княжичем и его ратниками правительница вернулась во дворец. Здесь к молчаливой Софье Витовтовне пристроилась свита, вслед за нею прошла коридорами и спустились вниз, на внутренний двор, в котором мальчишки носились между составленными в три высокие стопки телегами со снятыми колесами. Судя по крикам и хохоту, дети играли в пятнашки.

– Вовку засалили! Вовка водит!!! – послышался крик из дальнего угла, и малышня в душегрейках и шапках прыснула в стороны, сворачивая за стопки, а некоторые даже шустро полезли наверх.

– Да что же вы делаете, бестолковые?! Они же упадут! – поспешила вперед встревоженная княгиня. – Княжича хотите завалить?! Качается ведь все!

– Ничто, великая княгиня! – торопливо выбежали откуда-то сбоку трое седобородых холопов в потертых зипунах. Все пожилые, со шрамами. Явно опытные. – Напрасно беспокоишься! Широкие возки-то. Замучишься ронять!

– А зашибется мальчик? Поранится? – так же грозно продолжила отчитывать дядек правительница. – Вы следить за дитем приставлены, а не бока отлеживать!

– Им же сия беготня токмо в радость, Софья Витовтовна! – рискнул оправдаться один из воспитателей. – И полазить в интерес.

– Поранится княжич, шкурой ответишь! – пообещала великая княгиня, направилась дальше на двор, присела перед одним из мальчиков:

– Ты как, Васенька, не устал? – Правительница погладила по плечу, по щеке упитанного мальчика лет десяти, русого и вихрастого, ростом ей почти по плечо, в зеленых сапожках, черных шароварах и в парчовой безрукавке. – Раскраснелся смотрю весь, запыхался. Ничего не болит? Это у тебя не царапина?

– Да хорошо все, мама! – буркнул тот и чмокнул княгиню в щеку. – Вовка водит. Я побегу?

– Пустое сие занятие, беготня всякая! – укорила сына Софья Витовтовна. – Будущему правителю в шахматы играть надобно, в крик-крак, дабы ум развивать. Книги читать еще полезнее.

– А ты кто? – Взгляд мальчика устремился куда-то за плечо матушки.

– Мое имя Василий, княже, – ответил из-за спины правительницы новик. – Сын Ярослава, властителя Боровского, – и не преминул добавить: – Внук Владимира Храброго!

– Айда с нами в пятнашки! – предложил сын великого князя.

– Не могу, я на службе, – положил ладонь на рукоять сабли боровский княжич.

– Как на службе? – не поверил мальчишка. – Сколько тебе лет?

– Тринадцать! – выпятил грудь юный воин.

– И ты уже на службе? Как такое может быть?

Этот восхищенный взгляд стал для новика самой высшей наградой за все минувшие унижения, за усталость и недосып и понукания от дворцовых рынд! Ему завидовал сын великого князя!!! Завидовал, восхищался, смотрел снизу вверх и вроде как даже слегка заискивал. Княжич Боровский наконец-то ощутил себя настоящим, достойным, бывалым витязем. Настоящим воином!

Услышав интересный разговор, к Василию стали подтягиваться остальные мальчики.

– Василий Ярославич выступил в поход новиком, при отце, – поднявшись, ответила за телохранителя Софья Витовтовна. – И показал в битве столь высокую отвагу и мастерство, что великий князь, невзирая на его юность, приставил сего витязя ко мне начальником стражи.

– Ты уже дрался в битве?! – с завистливым придыханием спросили собравшиеся вокруг княжичи из свиты малолетнего наследника престола. – И как оно, сразил многих?

– Поначалу из луков стреляли... – как мог спокойнее стал рассказывать Василий. – Потом колчаны опустели, и мы бросились на татар... Я был первым, меня сразу затоптали...

– И как оно?! Ты кого-нибудь зарубил? Много степняков побил?

– Мы сшиблись... – замялся княжич. – Меня опрокинули, и я обеспамятовал. Вестимо, копытами по мне прошли.

– Как же тебя мать-то отпустила, таким юным под татарские сабли?! – не выдержала сего подробного повествования Софья Витовтовна.

Василий перевел на нее взгляд, прикусил губу – и великая княгиня сразу все поняла. Сглотнула и выдохнула:

– Прости!

Женское сердце дрогнуло, Софье захотелось прижать сироту к груди, обнять, пожалеть, погладить по голове.

– Мама, а когда я пойду в ратный поход?! – жалобно взмолился наследник престола.

– Как отец решит, так и пойдешь, – ответила Софья Витовтовна. – Года через четыре. Лучше через пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.